АНКАЛИМЭ

Две жизни Эмилии

18+

Анкалимэ

Две жизни Эмилии

«Автор»
2026

Анкалимэ

Две жизни Эмилии / Анкалимэ — «Автор», 2026

В свой двадцать пятый день рождения Эмилия Стальнова умерла. А проснулась в теле героини фильма, который смотрела накануне. Теперь она — Эмилия Бреннет, жена капитана магической команды. Вот только красавец муж в аварии подставил её под удар, чтобы спасти свою любовницу.Теперь у неё множество переломов, потерянная память и два врага, которые не остановятся ни перед чем. Единственный выход — умереть для всех. Но новая жизнь в семье, работа рекрутером в маске и одна безумная ночь с незнакомцем, которого она не помнит, дают ей то, чего она была лишена: любовь и защиту. А ещё — неожиданную беременность.Бывший муж и его любовница не знают, что Эмилия жива. Они охотятся за таинственным рекрутером, чтобы вернуть себе былую славу. Есть ли шанс выйти из тени и зажить своей жизнью без оглядки?

© Анкалимэ, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Воспоминания 5
Глава 2. Бумеранг 9
Глава 3. Перерождение 13
Глава 4. Яд 17
Глава 5. Муженек 21
Глава 6. Свобода 24
Глава 7. Семейные проблемы 29
Глава 8. Моя победа 34
Глава 9. Рекрутер в маске 38
Глава 10. Светские приемы 41
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Анкалимэ
Две жизни Эмилии

Глава 1. Воспоминания

Привет, мой дорогой дневник! Меня зовут Эмилия Юрьевна Стальнова. Мне сегодня исполнилось двадцать пять лет. Но на душе не празднично. Сегодня самый отвратительный день. Хочешь знать почему? И я тебе отвечу. Но чтобы понять всю глубину задницы, в которой я оказалась, надо начать с самого начала. Не с сегодняшнего утра, не с тишины в квартире, а с того дня, с которого, как я теперь понимаю, всё и покатилось. Хотя, может быть, всё началось ещё раньше — в тот вечер, когда мой отец, молодой и счастливый, шёл на свою помолвку. Я много раз представляла этот вечер в своей голове. Не потому, что мне хотелось, а потому, что он никак не выходит из памяти, хотя меня тогда ещё не было на свете. Просто есть истории, которые пересказывали друзья отца на его днях рождения. Они как старая фотография: смотришь на неё и чувствуешь запах чужого праздника, чужого дома, палящего огня.

Мой отец, Юрий Антонович Стальнов, в молодости был редким красавцем. Гордость семьи, завидный жених и очень добрый человек. Это не я так придумала, чтобы его оправдать или возвысить. Так говорили все, кто его знал. Я видела старые фотографии: высокий, с ясными глазами, с тем выражением лица, которое бывает у людей, не привыкших врать и прятаться. Он выглядел так, будто ему не нужно было ничего доказывать. Его любили родители, уважали соседи, а девушки, как мне рассказывали, оборачивались вслед. Но он не был из тех, кто пользуется своей внешностью. Не было в нём этой пустой самоуверенности. Он был добрым. Вот это, наверное, главное. Добрым не напоказ, а по-настоящему: так, что рядом с ним людям становилось легче дышать.

Отслужив в армии, он пошёл работать пожарным. Это тоже было в нём — желание быть там, где нужна помощь. Он не говорил красивых слов о долге, по крайней мере я не помню, чтобы он их говорил. Но он выбрал работу, где каждый день может закончиться огнём, дымом и чужой бедой. А ещё он заочно поступил на юриста. Отец хотел, чтобы у него было не только дело, которое он любит, но и твёрдая дорога в жизни. Он умел учиться, умел работать, умел терпеть. И казалось, что в жизни у него будет всё прекрасно. Он встречался с самой завидной красавицей нашего города на то время. Дочь богатых и влиятельных людей. Она была его будущим. Он шёл к ней, верил ей, собирался прожить с ней жизнь. Наверное, он думал, что нашёл своё счастье. И в этом не было ничего странного: молодой, красивый, добрый, с работой и планами. Ему казалось, что весь мир открыт перед ним.

И всё так и было до дня их помолвки. Она проходила в доме невесты. Большой дом, богатый, полный людей, собравшихся на их помолвку. Я не знаю, как выглядели комнаты, не знаю, что было на столах, не знаю, какие слова произносили присутствующие там люди. Но я почему-то всегда представляю этот дом слишком ясно. Может быть, потому, что после рассказов отца он остался у меня в голове как место, где закончилась одна жизнь отца и началась другая.

Как так произошло, что возник пожар, так и не смогли выяснить. Было два предположения: замыкание электропроводки и происки врагов отца невесты. Вот только пожар возник сразу на нескольких участках, и все были рядом с выходами. Значит, точно враги постарались, вот только улик, подтверждающих это, так и не нашли.

Я не знаю, кто именно первым заметил пламя. Не знаю, что кричали люди. Не знаю, как быстро всё случилось. Но знаю главное: мой отец помог всем покинуть горящий дом. Он не думал в тот момент о себе. Он был пожарным, он знал, как опасен огонь, и шёл вперёд, чтобы

спасти их жизни. Наверное, в такие минуты человек показывает, кто он на самом деле. Отец показал себя полностью. Он вывел людей, он помог тем, кто растерялся, он не бросил никого. А потом случилось то, что сломало его жизнь.

Невеста кинулась к нему и сказала, что рядом нет друга детства, Ивана Кузьмихина. Она буквально вынудила отца вернуться в полыхающий дом, чтобы спасти этого Ивана. Вот здесь мне хочется остановиться. Каждый раз, когда я дохожу в своих мыслях до этого места, у меня внутри всё сжимается. Я пытаюсь понять, что она чувствовала. Может быть, страх? Может быть, панику? Может быть, она действительно верила, что без её друга детства дом рухнет, и мир закончится? Но рядом с ней был человек, который только что вывел всех из огня. Человек, который уже сделал больше, чем обязан. И она заставила его вернуться. Не попросила, а именно вынудила. Так рассказывали. Я не знаю всех интонаций, не знаю слов, но я знаю результат. Отец вернулся в горящий дом. Ради неё. Ради того, чтобы она не плакала. Ради того, чтобы спасти человека, которого там, как оказалось, уже не было.

В последствии оказалось, что Иван выбежал одним из первых. Просто прятался, чтобы не выглядеть трусом. Вот и всё. Вот вся правда. Пока мой отец шёл в огонь, рискуя собой, этот человек прятался. Пока мой отец искал его по комнатам, задыхался от дыма, обжигался, этот человек уже был в безопасности. Он не хотел, чтобы люди видели, что он убежал первым. Он думал лишь о том, как будет выглядеть. О своём имидже. О чужом мнении. А мой отец в это время думал о том, что где-то там, в доме, может быть, остался человек. Он не знал, что там никого нет, но он шёл. Он искал этого Ивана, заглядывал в дымные и объятые пламенем комнаты, звал, наверное, кашлял, закрывал лицо рукой, снова шёл. И так его и не найдя, начал выбираться.

К тому моменту тело отца уже было сильно обожжено. Дым застилал глаза и душил лёгкие. Но он упорно двигался на выход. Я представляю его в эти секунды и не могу не плакать. Не потому, что я слабая, а потому, что это слишком несправедливо. Человек, который спасал других, который вернулся в огонь потому что его попросили, который искал того, кого не было, — этот человек должен был просто выйти. Всего несколько шагов. Он уже видел выход. Он уже почти выбрался. И когда до выхода оставались считанные шаги, обвалилась горящая балка. Моего отца погребло под горящим потолочным перекрытием. Вот так. Не в эффектном спасении, не на глазах у благодарных людей, а на последних шагах к выходу. Огонь не разбирает, кто перед ним: добрый человек или злой, красивый или нет, виноватый или невинный. Огонь просто берёт своё. В тот день он взял лицо моего отца. И всю его прежнюю жизнь.

В себя он пришёл через две недели на больничной койке. Две недели между жизнью и смертью. Всё тело болело от ожогов, но самое страшное — он испытывал ужаснейшую боль на всём лице, которое было перебинтовано. Свободными были только глаза и рот. Я думаю об этом и понимаю, что даже представить не могу, каково это: лежать и чувствовать, что твоё лицо — сплошная рана, что ты не можешь посмотреть на себя, не можешь потрогать, не можешь понять, насколько всё плохо. Он видел мир через узкую щель между бинтами. Он мог говорить, но, наверное, каждое слово отдавалось болью. Он мог смотреть, но не мог увидеть главного — каким он стал. А когда сняли бинты и он понял... Я не знаю, что он почувствовал в тот момент. Он никогда не рассказывал мне об этом прямо. Он вообще старался не говорить о своей внешности. Но я видела, как он иногда замолкал, как отводил глаза, как будто проверял, не пугаюсь ли я. Я никогда не пугалась. Никогда. Но он всё равно помнил. Такое не забывается.

Итогом стало изувеченное лицо отца. Нос обгорел так сильно, что врачам пришлось удалить хрящик, осталась только кость. Представляете, каким ударом это было для отца? Лицо, которое раньше было красивым, стало таким, что люди на улице оборачивались и шарахались. Он стал уродом. Воландеморт и то покрасивее выглядел. Мой отец стал человеком, на которого стало страшно смотреть. И это было не где-то далеко, не в кино, не в чужой выдуманной истории. Это было с ним. С самым добрым человеком, которого я знала. С тем, кто дул на

мои царапины и обнимал когда я расстраивалась. С тем, кто спас много жизней от огня. Огонь забрал его красоту, но не забрал его самого. Только вот мир вокруг часто смотрит не на то, что внутри. Мир смотрит на лицо. И мир отвернулся.

Невеста, увидев отца, отказалась от помолвки, испугавшись его уродства. И ей было безразлично, что косвенно именно она виновата в увечье отца. Нет, семья невесты не кинула его. Они полностью оплатили лечение отца вплоть до реабилитации. Они сделали то, что можно было сделать деньгами. Но помолвку расторгли. Вот так просто. Деньги заплатили, лечение оплатили, а человека вычеркнули. Наверное, для них это было честно: они не оставили его без помощи. Но помощь деньгами — это не то же самое, что остаться рядом. Они заплатили и ушли. А он остался. С изувеченным лицом, с болью, с пониманием, что та, ради которой он вернулся в огонь, не выдержала даже взгляда на него. Она испугалась. Не смерти, не того, что могла потерять его. Она испугалась его лица. И это, наверное, было для отца страшнее ожогов.

Отец остался уродом, а вчерашняя невеста уже через три месяца вышла замуж за того самого Ивана. За того, кто прятался, пока мой отец искал его в горящем доме. За труса, который думал только о том, как бы не выглядеть трусом. Она выбрала его. Может быть, потому что он был целым. Может быть, потому что у него было нормальное лицо. Может быть, потому что так было удобнее. Я не знаю. Но я знаю, что она поплатилась за своё предательство. Много лет спустя, её трусливый муженёк вляпался в сомнительную аферу с криминалом. Задолжал им очень, ОЧЕНЬ много денег. И расплатился за часть своих долгов своей женой. К тому времени её отец умер, и заступиться за неё было некому. Так что та, кто предала моего отца, была сама предана. Я не знаю всех подробностей. Не знаю, что именно она пережила, не знаю, как это выглядело. Но я знаю итог. Она получила назад то, что сделала сама.

Предательство.

Может быть, это и есть справедливость. Только от этой справедливости мне почему-то не легче. Потому что мой отец всё равно остался с изувеченным лицом. Потому что его жизнь всё равно пошла не так. Потому что чужая расплата не вернула ему ничего. Но самым ценным во всем этом, были его друзья и родители. Именно они не дали ему отчаяться, всегда поддерживали и помогали. Они не предали, и это спасло тогда моего отца.

Не знаю, где именно мой отец нашёл мою мать, но она была единственной женщиной, не шарахающейся от него. Сосипатрия Пудовна Заломихина. Именно так её звали. Странное имя, тяжёлое, будто из другой эпохи. Но, наверное, в нём было что-то от неё самой — от женщины, которая не побоялась остаться рядом с человеком, которого все боялись. Отец мне рассказывал, что привёз её из какой-то глухой деревни. Там произошёл страшнейший пожар, и вся её семья погибла в нём. Вроде они жили общиной, этакие отшельники, не признающие цивилизации. Я мало что знаю об этом. Мама почти не осталась в моей памяти, а отец не любил рассказывать о прошлом, что было до меня. Может быть, потому что слишком больно. Может быть, потому что он считал, что я ещё маленькая. А потом я выросла, и стало поздно. Но я знаю, что он привёз её из глубинки. Оттуда, где, наверное, не осталось ничего, кроме пепла и памяти.

И она поехала с ним. Женщина, которая видела страшнейший пожар, которая потеряла всех, которая, может быть, сама чудом выжила, — она не испугалась его лица. Она увидела в нём не урода, а человека. Того, кто тоже прошёл через огонь. Может быть, поэтому они и нашли друг друга. Два человека, которых огонь сделал другими. Два человека, которые в нем все потеряли.

Отец говорил, что мама была довольно слаба здоровьем, но когда узнала, что беременна, то твёрдо решила меня рожать. Не колебалась, не сомневалась, не думала о том, что может не выдержать. Она решила. И я живу. Я живу потому, что она решила меня родить. Я часто думаю об этом. Что было бы, если бы она тогда испугалась? Если бы послушала врачей, знакомых, кого угодно? Меня бы не было. Не было бы этой записи, не было бы моего дня рождения,

не было бы моих слёз. Но она решила. И я есть. Я не знаю, как её благодарить. Не знаю, как благодарить человека, которого почти не помню.

По рассказам отца, я знаю, что она хотела меня назвать Акулина. Но папа настоял на том, что если ей хочется не простого имени для дочери, то назвать Эмилией. Она согласилась. Вот так я и стала Эмилией Юрьевной. Иногда мне кажется, что в этом имени есть что-то от отца: желание дать мне не просто имя, а немного света.

Дорогой дневник, я так рада, что им не пришло в голову назвать меня Даздрапермой, иначе я бы не пережила травли и насмешек в школе. Меня бы называли спермой, эякулянтом, головастиком. Дети сейчас очень жестокие, они не осознают дозволенных границ. Недаром говорят «детская жестокость». Они творят «дичь», не осознавая, какую боль они приносят своими действиями. Для них всё это игра, простое развлечение. Я знаю, о чём говорю. У меня был отец, которого боялись. И этого было достаточно.

Дети не всегда бьют словами в лоб. Иногда они просто перестают звать тебя с собой. Просто замолкают, когда ты подходишь. Просто смотрят на твою семью и делают выводы. Взрослые думают, что дети не понимают. Но дети понимают всё, только объяснить не могут. Они видят, кто в классе «нормальный», а кто нет. И мой отец, с его изувеченным лицом, для них был не человеком, а чем-то страшным. Они не хотели знать, какой он внутри. Они видели только лицо без носа, шрамы, страшные ожоги. И им этого хватало. Они почему-то решили, что это заразно и они могут от меня заразиться. Стать такими же уродливыми как мой отец.

Мама умерла, когда мне было пять, и я её практически не помню. Но мне её заменил отец. Такого доброго и заботливого человека я больше никогда не встречала за всю свою жизнь. Он дул на мои царапины и ушибы, шептал нежные слова «чтобы ранки быстрее затянулись». Он делал это так серьёзно, будто действительно мог заговорить боль. И боль проходила. Не знаю, от слов или от того, что рядом был он. Наверное, от того, что рядом был он. Он умел заполнять собой пространство так, что ничего больше не было нужно. Он не говорил громких речей. Он просто был. Приходил с работы уставший, порой пахнущий дымом и гарью, садился на кухне, смотрел на меня и улыбался — насколько мог улыбаться человек с таким лицом. Для меня это была самая обычная улыбка. Я выросла с ней. Я не видела в ней ничего страшного. Я видела своего любимого папу. А другие видели уродство. И я не могла им объяснить, что они ошибаются. Я пробовала. Но разве можно объяснить людям, которые не хотят слушать?

Его не стало год назад. Он так и продолжал работать пожарным. Не ушёл, не сдался, не спрятался. Хотя мог бы. Но он всё равно продолжал работать. Было возгорание в детском доме. Там жили дети до десяти лет. Он вынес всех. А последнего прикрыл своим телом. Дети все остались живы, а мой папа получил серьёзные травмы и не выкарабкался. Вот и всё. Вот так закончилась жизнь человека, который всю жизнь спасал других. Он снова вошёл в огонь. Снова не думал о себе. Снова вынес всех. А последнего ребёнка закрыл собой. Наверное, в этот момент он даже не думал. Просто сделал. Потому что иначе не мог. Потому что это был мой папа. Не смотря на уродство, он всё равно остался собой. И погиб так же, как жил, — спасая.

Я осталась одна. Вот и весь итог. Боже, да у меня даже друзей не было! Были знакомые, приятели. Но никто не хотел сближаться со мной, так как боялись уродства моего отца. Почему? Почему все судят только по внешности? Почему никто не хотел узнать, какой мой папа внутри? Я задаю эти вопросы и не нахожу ответа. Я могу понять страх. Могу понять растерянность. Могу даже понять, почему люди отводят глаза, когда видят что-то, что их пугает. Но я не могу понять, почему из-за этого они отказываются от человека целиком. Почему лицо оказывается важнее доброты? Почему шрамы страшнее, чем пустота в душе? Мой отец был самым добрым человеком на свете. Он не сделал никому зла. Он спасал людей. Он любил меня. Он не заслужил того, чтобы его боялись.

Глава 2. Бумеранг

Ладно, дорогой дневник, хватит о прошлом моего отца. Хотя именно оно повлияло на формирование моей личности. Я уже рассказывала тебе о том, каким он был и через что прошёл, и возвращаться к этому снова и снова — всё равно что водить пальцем по свежей зажившей ране: она хоть и затянулась, но стоит прикоснуться, и снова чувствуешь боль. Поэтому теперь я напишу о себе.

Отец хоть и закончил обучение на юриста с красным дипломом, но так и остался работать пожарным. Кто бы взял его на работу с таким лицом? Естественно, никто не хотел видеть у себя такого работника. Папа быстро понял, что они боятся растерять клиентов от его уродства. Да, он попробовал пару раз устроиться, но ему отказали — весьма грубо. После второго отказа он больше не возвращался к этим попыткам. Диплом с красной корочкой лежал в ящике, а он снова и снова надевал форму, в которой его лицо никого не удивляло. На службе к нему привыкли, там знали, что огонь не смотрит на лицо, огню всё равно. И, наверное, именно поэтому отец остался там, где его принимали таким, какой он есть. Он не жаловался. Он вообще почти никогда не жаловался. Только иногда, когда думал, что я не вижу, грустно смотрел в окно и молчал. Я видела. Я всегда видела.

Он всегда учил меня тому, что любое начинание надо доводить до логического конца или вообще не начинать. Надо заранее всё продумать и решить, нужно ли тебе это, и если да, то идти до конца. Он был очень мудрым и старался привить мне все те качества, что были у него. Именно благодаря ему я полюбила узнавать что-то новое. Видеть суть людей, а не маски, с которыми они порой сживаются. Под самым красивым лицом порой пряталась гниль, а под невзрачной внешностью — бриллиант. Отец не говорил этого красивыми словами. Он просто показывал на примерах, и я запоминала. Когда я была маленькой, мне казалось, что все люди такие же, как он: добрые, терпеливые, честные. Потом я выросла и поняла, что это не так. Но привычка смотреть глубже осталась. Может быть, поэтому мне и было так больно смотреть на тех, кто видел в моём отце только искалеченное лицо.

Именно отец предложил мне обучиться на программиста и дополнительно изучить кадровое делопроизводство. Он считал, что я буду очень ценным работником. Я взвесила все за и против, как он учил, и согласилась с его предложением. Учёба давалась мне не то чтобы легко, но я упёрлась и дошла до конца. Отец тогда сказал, что гордится мной. Я до сих пор помню, как он это сказал — тихо, будто стесняясь, и в то же время серьёзно. На работу устроиться тоже помог мой папуля. У одного из его знакомых была своя небольшая фирма, и как раз требовался человек в отдел кадров. Там я и начала работать.

Папа оказался прав. Благодаря тому, что я разбиралась в людях, я могла определить, куда именно устроить человека для самой эффективной работы. Конечно же, это не произошло одномоментно, по щелчку пальцев. Год я изучала работу, узнавала работников, направленность нашей фирмы. Я не торопилась. Я смотрела, слушала, запоминала, кто с кем ссорится, кто с кем дружит, кто силён в бумагах, а кто умеет говорить с клиентами так, что те уходят довольными. Только после этого я пошла с докладом к главному.

Я расписала всех наших работников, их сильные и слабые стороны, должности, которые они занимают сейчас, и должности, на которых они принесут максимум пользы. Видимо, только ради эксперимента главный тогда со мной согласился и на месяц перевёл людей на те должности, что я предложила. Всего лишь месяц, а результат был потрясающий. Наша фирма начала работать как слаженный механизм, что позволило получить в полтора раза больше прибыли, чем ожидалось. Именно после этого меня сделали единственным работником отдела по подбору персонала. До этого у нас этого отдела просто не было. Но так как фирма стремительно росла ввысь, открывались новые вакансии, и почти каждый день мы принимали новых работ-

ников, эта необходимость появилась. Иван Петрович, наш главный, был вне себя от радости, что дело его жизни наконец развернулось.

Так на подъёме прошло два года. Я приходила на работу раньше всех, уходила позже, но не чувствовала усталости. Мне нравилось видеть, как люди находят своё место, как у них загораются глаза, когда они понимают, что справляются. Я чувствовала себя нужной. Наверное, это было самое спокойное время в моей жизни. Я даже начала думать, что, может быть, всё ещё наладится. Может быть, я встречу кого-то. Может быть, у меня появится своя семья. Я не строила больших планов, просто позволяла себе иногда помечтать. А потом у меня начались удары судьбы.

Сначала умер отец. Я уже рассказывала, как это случилось, и не хочу снова возвращаться к этому трагическому происшествию. Скажу только, что после его похорон квартира стала слишком тихой. Я долго не могла привыкнуть к тому, что никто не ждёт меня на кухне. Только я оправилась после этого, как умер дедушка. Он был уже старый, и его смерть была не такой внезапной, но всё равно выбила меня из колеи. Ещё через два месяца за дедушкой ушла и бабушка. Она словно не смогла без него. И я осталась совершенно одна. Ни родителей, ни деда, ни бабушки. Только работа, которую я любила, и квартира, в которой каждый угол помнил моего отца.

И как будто судьбе этого было мало, на работе тоже начались неприятности. У Ивана Петровича прямо на работе случился сердечный приступ. Мы отреагировали быстро, и скорая приехала вовремя. Вот только врачи посоветовали ему отойти от дел, во избежание повторного приступа. Так у руля встал его внук — Евгений Павлович.

Про себя я его называла Падловичем, ведь именно падлой он и был. Я не сразу это поняла. Поначалу он вёл себя довольно вежливо, даже интересовался моими методами подбора персонала, просил что-то объяснить. А потом первым делом устроил на фирму свою очередную любовницу. Ладно если бы она была умненькой девушкой, но такой настолько необучаемой девицы я ещё не встречала. Было такое ощущение, что она окончила только школу и то только потому, что учителя её усиленно тянули, лишь бы выпустить и забыть о ней.

Она не понимала простых вещей, путала документы, задавала вопросы, на которые уже сто раз получала ответ. Я пыталась с ней работать. Правда пыталась. Ничего, и для такой я могла найти место, чтобы она приносила пользу, но он решил устроить её начальником логистического отдела. Спасибо, что хоть бывшего начальника не увольнял: тот просто вышел на пенсию и уехал к сыну помогать с внуками.

Именно с этого и начался крах моей карьеры. Эта Юленька была ни в зуб ногой, ни в лоб ботинком в логистике. Даже опытные замы не всегда могли исправить её ошибки. Сроки срывались, машины простаивали, клиенты начинали нервничать. Я видела, как то, что мы строили последние два года, начинает трещать по швам.

И как вишенка на торте - этот падла начал ко мне клеиться. Сначала это были намёки, потом он стал задерживаться после работы, заходить в мой кабинет без повода, говорить комплименты таким голосом, что хотелось вымыть уши после разговора. Я видела всю его чёрную душонку и отказала. Прямо, спокойно, но твёрдо. Он не вспыхнул, не начал кричать. Он просто улыбнулся и вышел. А через неделю подставил меня и выгнал с припиской в трудовой книжке «за несоответствие занимаемой должности». Этим он поставил крест на моей дальнейшей работе в данной сфере. С такой припиской меня никуда не возьмут. Я знала это, когда уходила. И он знал. Он нарочно выбрал такую формулировку, чтобы не просто уволить, а испортить мне биографию.

Да, я ушла. Найти другую работу для меня не проблема. Могу пойти работать программистом, благо есть диплом и знания. Да я даже могу пойти работать продавцом или уборщицей, если совсем прижмёт. Но проблема на этом не решилась. Он преследует меня. Распускает грязные слухи. Кому-то говорит, что я ушла, потому что не справлялась; кому-то — что я сама

к нему приставала и получила отказ. Я чувствую эти осуждающие взгляды, когда выхожу из дома. Чувствую, как за спиной начинают шептаться. Может быть, мне кажется. Может быть, я уже настолько загнана, что вижу врагов в каждом. Но страх от этого не становится меньше.

А сегодня, в мой день рождения, я вместо хорошего подарка получила очередную оплеуху от судьбы в виде этого говнюка. Видимо, ему мало было уволить меня и замарать своими лживыми сплетнями. Он нанял двоих мужиков, чтобы они избили меня и унизили. Это случилось днём, когда я возвращалась из магазина. Я купила себе маленький торт, свечку и коробку чая. Небольшой такой день рождения для меня одной. Я шла через двор, уже почти дошла до подъезда, когда они появились. Двое. Один высокий, в тёмной куртке, с ничего не выражающим лицом. Второй пониже, шире в плечах, с красными глазами и запахом перегара. Я не сразу поняла, что они именно ко мне. Двор был пустой, вечер ещё не наступил, но небо уже начало сереть. Они подошли с двух сторон, и высокий сказал: «Стальнова?» Я не ответила. Тогда второй схватил меня за руку выше локтя и потянул в сторону, к глухой стене у мусорных баков. Пакет выпал у меня из рук. Торт, наверное, разбился. Я не думала о торте. Я думала о том, что происходит.

Они не стали ничего объяснять. Просто начали бить. Не сильно, как бьют профессиональные убийцы, а как бьют люди, которым заплатили за унижение: по спине, по плечам, по рукам, которыми я закрывала голову. Один ударил по лицу, и у меня во рту стало солоно. Я упала на колени. Они подняли меня и снова толкнули к стене. Высокий держал меня за воротник куртки, а второй говорил что-то про то, чтобы я знала своё место. Я не запомнила всех слов. Но только одни врезались мне в память. «Евгений Павлович Шумилин передает тебе привет».

Я запомнила их голоса — равнодушные, будто они делали какую-то скучную работу. Они не хотели меня убивать. Им нужно было, чтобы мне было страшно и стыдно. Они порвали на мне куртку, вырвали из рук сумку, рассыпали по асфальту мелочь и ключи. Второй сказал что-то такое, от чего меня замутило. Я закрыла глаза и думала о папе. Я думала о том, что он бы не испугался. Он бы не позволил им увидеть свой страх. И я старалась не плакать. Получалось плохо.

Хорошо хоть до насилия не дошло — им помешали. Из соседнего подъезда вышла женщина с собакой. Собака начала лаять, женщина закричала, и они отступили. Высокий отпустил мой воротник, второй подобрал что-то с асфальта и сказал: «В следующий раз не так повезёт». Они ушли быстрым шагом, не оборачиваясь. Женщина спросила, всё ли со мной в порядке. Я сказала, что да. Я соврала. Я собрала ключи, мелочь, раздавленный торт тут же выбросила в мусорный бак и пошла домой. Куртка была порвана, на локте саднило, губа распухла. Я поднялась в квартиру, заперла дверь на два оборота, села на пол в прихожей и сидела так, наверное, с полчаса. Мне было холодно. Мне было страшно. Мне было так одиноко, что я готова была выть.

И вот сижу я сейчас и изливаю всю свою горечь на твои страницы. Ведь у меня даже нет близкого человека, которому я могла бы всё рассказать. Так страшно быть одной… Я думала, кому позвонить. Полистала контакты в телефоне и поняла, что звонить некому. Знакомые — не те люди, которым рассказывают такое. Приятели — не те, кто приедет ночью. Коллеги — тем более.

Я закрыла блокнот. Вот, вылила все свои переживания, и мне стало легче. За окном тихо садилось солнце, окрашивая небо в кровавые оттенки. Тихо зажигались фонари, освещая яркими пятнами темнеющие улицы. Город тихо готовился ко сну. А мне было страшно засыпать. Я закрывала глаза, а перед глазами снова и снова вставали кадры моего избиения. Нужно было отвлечься. Но на что?

Думала я не долго. Вспомнила как одна из бывших коллег как-то говорила о приложении для телефона. Там можно было посмотреть мини фильмы. Они были как созданные при помощи ИИ, так и с живыми актерами. Самое то, чтобы отвлечься.

Я просмотрела один фильм. После каждой серии в две — три минуты шла реклама. Но затягивало, так что я готова была и рекламу просмотреть. А вот после просмотра ощущения были двоякие. Вроде и всем на орехи досталось, но и главная героиня погибла. Восприняла я наверно все близко к сердцу еще и от того, что главную героиню звали как и меня — Эмилия.

Фильм был сделан с помощью ИИ, но настолько реалистично, что понять это можно было только по мелочам и слишком красивым актерам. Переживая за героиню, я не заметила как меня отпустил страх произошедшего сегодня. А значит можно ложиться спать

Я ещё посидела немного на кухне. Налила чай и выпила, жаль торт испортили. Я смотрела на поломанную свечку и думала, что если бы папа был жив, он бы обязательно заставил меня задуть её и загадать желание. Он бы сказал, что в день рождения нельзя грустить, даже если очень хочется. Я улыбнулась этой мысли и тут же заплакала. Потом умылась, еще раз обработала ссадины, переоделась в старую футболку и легла.

В комнате было умиротворяюще темно, только уличный фонарь немного разбавлял эту тьму. Я думала о том, что завтра надо будет найти новую работу, что надо будет что-то решать с жильём, надо переезжать отсюда в другой город. Эта тварь мне не даст тут житья, но и спустить ему все с рук тоже нельзя. Надо будет как-то жить дальше. Думала о тех двоих и о том, что я их даже не смогу описать полиции. Я думала о папе. Потом мысли стали путаться, и я заснула.

Я так и не узнала, что в эту ночь я умерла. Те двое отмороженных бандитов нашли меня, чтобы завершить своё чёрное дело. Видимо, им показалось мало того, что было днём. Может быть, они испугались, что я пойду в полицию. Я спала, когда они вошли. Я не слышала, как открылась дверь. Чтобы я не проснулась и не встревожила никого своими криками, они ударили меня по голове. Этот удар был смертелен для меня. Я не почувствовала боли. Только темнота стала плотнее, и всё исчезло.

Так же я не видела, как этих подонков потом взяли на другом преступлении, и они сгинули в тюрьме, постарались родственники их последних жертв. Я не видела, что Падлович в итоге разрушил свою компанию и до конца своей жизни влачил жалкое существование. Жизнь — бумеранг, и когда она возвращает тебе всё, что ты кинул, ты не всегда готов принять это и удержаться на ногах…

Глава 3. Перерождение

Проснулась я под писк приборов. Этот звук был первым, что пробилось сквозь вязкую, тяжёлую темноту. Ровный, методичный, с небольшими паузами - пи-и-ип, пи-и-ип, - он тянул меня из сна, как за нитку. Я не сразу поняла, что это за звук. В моей квартире таких приборов не было. В моей жизни вообще не было ничего, что могло бы так пищать. Открыв глаза, взглядом уперлась в кремовый потолок. Гладкий, без единой трещинки. Перевела взгляд в одну сторону - стена с окном.

Яркие солнечные лучи сквозь стекло проникают в помещение, ложатся на пол широкими тёплыми полосами. Судя по силе освещённости, где-то полдень. Вот только из моего положения в окне ничего не было видно, кроме верхушек деревьев и бескрайнего чистого неба. Ни домов, ни проводов, ни привычной городской серости. Только зелень и свет.

Я прислушалась к себе. У меня болела кажется каждая клеточка, но я ощущала это только сверху тела, будто каждая косточка и каждая мышца помнили, что с ними что-то сделали. Что и не удивительно после вчерашнего. Только я явно не дома. Дома не бывает такого потолка, такого запаха, такого писка. Как я тут очутилась? В памяти всплывали обрывки: двор, двое, стена у мусорных баков, вкус крови во рту, раздавленный торт. Вечер и сериал. Я легла спать в своей кровати, а проснулась здесь. Значит, что-то произошло когда я спала?

Медленно обвела помещение глазами. Я явно в больнице, но не в нашей. Или в какой-то вип-палате. Уж больно всё тут было чистым и новым. Свежеокрашенные стены, потолок без трещин, и в воздухе не пахло хлоркой. Воздух был чист, с нежным цветочным ароматом - не то лаванда, не то что-то ещё, едва уловимое, но приятное. У нас в больницах такого точно нет. А если есть, то только в вип-палатах для очень богатых людей. Именно поэтому у меня мелькнула такая мысль. Я лежала на широкой кровати с белоснежными простынями, под лёгким одеялом, и рядом стоял штатив с капельницей, от которой тянулась прозрачная трубка к моей руке. Нет, не к моей. К чужой руке. Я с оторопью смотрела на нее и внутри медленно, но уверенно начал расти страх.

Я хотела откинуть одеяло, чтобы встать, вот только не смогла даже подняться. Я не чувствовала себя ниже груди. Это было странное, жуткое ощущение: я знала, что у меня есть ноги, что они лежат где-то там, под одеялом, но не могла ими пошевелить, не могла почувствовать их вес, их тепло. Они были как чужие. Одна рука вообще оказалась в гипсе, от локтя до пальцев, - а вторая была вообще не моей. У меня красивые руки, я всегда следила за ними. Но никогда у меня не было таких длинных пальцев. Тонких, изящных, с идеальным маникюром - нежно-розовый лак, ровный и блестящий. Я в детстве неудачно травмировала мизинец и лишилась ногтя на нём. С годами он так и не отрос. А сейчас я смотрела на целехонький ноготь и меня пробирали мурашки страха. ЧТО ТУТ НАХРЕН ПРОИСХОДИТ?!!

Может, меня хорошо вчера приложили, и поэтому у меня галлюцинации? Я свободной рукой ущипнула себя за шею. От боли на глаза навернулись слёзы. Точно не сон. Слишком реально, слишком больно, слишком... Может, меня накачали наркотиками? Чтобы что? Для чего всё это? Кто бы стал тратить на меня наркотики и вип-палату? Я не настолько важная персона. У меня даже врагов, кроме Падловича, не было. А он бы не стал так заморачиваться. Он бы просто нанял кого-то ещё раз, чтобы меня припугнуть. Но это не объясняло ни потолка, ни писка, ни руки с маникюром.

Не знаю, как далеко я бы ушла в своих размышлениях о произошедшем, но их поток прекратил звук приближающихся шагов и открывшаяся дверь. Я повернула голову - и сердце у меня остановилось. Нет, нет, нет. Этого не может быть! Что за хрень творится? Этого просто не может быть! Я в неверии смотрела на врача. Врача из вчерашнего фильма. Того самого, который я включила, чтобы отвлечься. Большеглазый красавец с лёгкой небритостью и лег-

кой сединой на висках стоял передо мной и в руках держал папку с бумагами. Он был не то что второстепенным, он был пятистепенным персонажем, что я даже имени его не запомнила. Кажется, его звали доктор... что-то на «Л»? Или на «М»? Я не помнила. Я вообще плохо запоминаю имена которые слышала пару раз. Зато отлично помнила имена главных героев, а так же отлично помнила основные сюжетные повороты. Блин, что мне такое вкололи, что я ловлю такие галлюцинации? Голова сильно заболела, и я закрыла глаза. Может, если я полежу так, всё исчезнет. Может, это просто бред? Может, я в реанимации после вчерашнего избиения, и мой мозг дорисовывает мне картинки из недавно просмотренного кино?

- Мадам Бреннет, как вы себя чувствуете? Вы сможете ответить мне на несколько вопросов? - голос был низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Я открыла глаза, но ничего не поменялось. Врач так и стоял рядом со мной. Он смотрел на меня с профессиональным участием, но в глазах у него было что-то ещё - какая-то тень, будто он знал больше, чем говорил. Или мне это только казалось.

- Постараюсь, - пришлось ответить мне. Голос был хриплый, чужой. Я не узнала его. Но говорить было не так больно, как я ожидала.

- Сначала ответьте, как вы себя чувствуете? - он придвинул стул и сел рядом, не выпуская папки из рук. Я видела, как он открыл её, но не смотрел в бумаги, а смотрел на меня.

- Болит голова, - сказала я. - А ещё я не чувствую себя ниже груди. Так, как будто у меня там нет ничего. Что со мной произошло и где я? И кто вы? - Я задала все вопросы сразу, потому что их было слишком много, и они жгли меня изнутри. Я хотела знать. Я хотела понять, где я, почему я здесь и почему у меня чужое тело.

Врач кивнул, будто ожидал этого. Он положил папку на колени и сложил руки. Его лицо стало серьёзным.

- Меня зовут доктор Ланселот Морган, - сказал он. - Я лечащий врач этой клиники. Вы находитесь в частной клинике «Светлый берег», в пригороде Аквилонии. Вы неделю назад ехали на неблите и попали в аварию. За рулём сидел ваш муж. На переднем пассажирском сидении сидела мисс Далия Улшури, врач команды вашего мужа. Вы сидели сзади, куда и пришёлся основной удар. У вас сломан позвоночник, так же сломаны ноги в нескольких местах и левая рука. Так же, к сожалению, вы потеряли ребёнка, которого ждали. У вас был сильный удар в затылок. Уже чудо, что вы выжили. А память... С этим всё сложно. Она либо вернётся, либо нет.

Я слушала его и чувствовала, как внутри всё холодеет. Неблит. Авария. Муж. Далия Улшури. Потеря ребёнка. Сломанный позвоночник. Слова были знакомыми и незнакомыми одновременно. Я знала их значение, но они не имели ко мне отношения. Я - Эмилия Юрьевна Стальнова, бывший кадровик, сирота. Я не была замужем. У меня не было ребёнка, да я вообще до своих двадцати пяти еще девственницей была. У меня не было неблита. И уж точно я не лежала в частной клинике в Аквилонии.

- А я так и останусь обездвиженной калекой? - спросила я, потому что это было первое, о чём я подумала после шока. Если это не бред, если это правда, то что со мной будет? Я не хотела провести остаток жизни в постели, глядя в потолок и слушая писк приборов.

- О нет! - доктор Морган улыбнулся, и улыбка у него была тёплая, почти ободряющая. - Через неделю вы выйдете отсюда на своих двух ногах. Медицина не стоит на месте. Недавно было создано новое заклинание, которое помогает восстановить все кости. Благодаря капельницам мы насытим ваш организм необходимыми питательными веществами, а магия ускорит исцеление. Ваш позвоночник срастётся, кости ног и руки восстановятся. Через неделю вы сможете ходить. Может быть, поначалу с осторожностью, но ходить.

- Заклинание? - переспросила я. - Магия? - Я уставилась на него, не веря своим ушам. Магия. Заклинания. В моём мире такого не было. В моём мире были только скальпели, гипс и физиотерапия. А здесь - магия. Я вспомнила фильм. Тот самый фильм, который я смотрела

вчера. В нём была магия. И неблит. И семья Бреннет. И Эмилия, которая умерла после аварии. ЕДРЕН БАТОН!!! Я влипла!

- Да, магия, - спокойно подтвердил доктор, будто это было чем-то само собой разумеющимся. - Вы находитесь в мире, где магия - часть повседневной жизни. Я понимаю, что для вас это может звучать странно, особенно после травмы головы. Но это так. Ваш муж - Брайэн Бреннет, капитан команды по фиркулу. Вы - Эмилия Бреннет. Вы не помните?

Я покачала головой. Голова болела всё сильнее. Я не помнила. Я не помнила ничего из жизни Эмилии Бреннет. Я помнила только фильм, который смотрела вчера. Да только там жизнь Эмилии показывалась урывками и всеми деталями ее жизни я не располагаю. И если то, что сейчас происходит - это явь, то я в теле Эмилии Бреннет. И если это не сон, не бред, не галлюцинация, то я попала.

- Я ничего не помню, - сказала я тихо. - Совсем ничего. Только имя. Эмилия Бреннет. И то, что вы сказали. Всё остальное - как в тумане. - Если это шанс прожить новую жизнь, то я не должна его слить как туалетную бумагу в унитаз. Каждое слово надо обдумать, прежде чем говорить. И даже если это сон или плод моей больной фантазии, то пусть все будет по моему.

Доктор Морган кивнул, записал что-то в папку. Он задал мне ещё несколько вопросов: как меня зовут, какой сейчас год, помню ли я мужа, помню ли я семью. Я отвечала честно: имя знаю, год не знаю, мужа не помню, семью не помню. Он не удивлялся. Он говорил, что это нормально после такой травмы. Он говорил, что память может вернуться, а может и нет. Он говорил, что главное сейчас - восстановиться физически. А память - это вторично.

- Ваш муж приходил, - сказал он вдруг, и в его голосе что-то изменилось. - Пока вы были без сознания. Он волновался. Мисс Улшури тоже приходила. Она помогает с вашим лечением. Она врач команды вашего мужа, и она настояла на том, чтобы вас поместили сюда. У неё хорошие связи.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается что-то холодное. Мисс Улшури. Далия. Любовница. Та, ради которой муж вывернул аппарат так, чтобы удар пришёлся на Эми. Я помнила это из фильма. Я помнила, что Эмилия погибла, а Далия осталась жива. И теперь я лежала в теле Эмилии, а Далия была где-то рядом. Врач команды. Женщина, которая спит с её, теперь моим, мужем. И которая, возможно, была причиной аварии. Нет, не возможно. Точно. В фильме было ясно: Брайэн вывернул неблит, чтобы спасти Далию, а Эмили приняла удар на себя. Он убил свою жену, чтобы спасти любовницу. И теперь в теле его жены была я. И мы выжили. Тело прошлой Эми и моя душа.

- Спасибо, доктор, - сказала я. - Я устала. Можно я отдохну?

- Конечно, - он поднялся. - Я зайду через пару часов. Если что-то понадобится, нажмите кнопку на стене. Медсестра придёт. И не волнуйтесь. Всё будет хорошо. - Он улыбнулся ещё раз и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Я осталась лежать, тупо смотря на потолок. Эмилия Бреннет - именно так звали главную героиню фильма. Вот только она умерла после аварии, и весь сюжет закручивается после её смерти. Едрен батон! Если это не плод моей фантазии, то я попала. И попала не куда-нибудь, а в тело женщины, которая должна была умереть. Я заняла её место. Я выжила вместо неё. И теперь мне предстояло жить в её мире, с её мужем, с её семьёй, с её проблемами.

Я опять мысленно начала накручивать себя, ища выход из положения, а потом кое-что вспомнила и меня отпустило. Если я действительно попала в тот фильм, то для меня есть один выход. Вернуться в семью. Вот только я не та Эмилия и её способностями не обладаю. Придётся всё списывать на потерю памяти. Но фильм я просмотрела совсем недавно, и я помню каждую дату развития сюжета. Чтобы не портить его, я должна отдалиться от всех героев. Поэтому именно возвращение к семье - это верный способ. А еще надо развестись. Вроде мужа не помню, но как будто испытываю ужаснейший страх рядом с ним. Он виноват в той аварии,

и мозг подспудно это помнит. В семье меня не будут втягивать в их игры, в их интриги. Я буду просто дочерью, сестрой, женщиной потерявшей память. Я буду в безопасности.

А теперь о семье Эмили. У неё есть брат, отец, мать и сестра. Семья любящая. Живут дружно. Отец - Артур Бреннет - как сказали бы на Земле «владелец фабрик, газет и пароходов». То есть у него огромнейший бизнес, развитый в нескольких направлениях. Так же есть своя команда по фиркулу. Этакий магический вид хоккея. В нём важно не только физические способности, но и магические. Каждый из игроков магией создаёт себе клюшку и удерживает её в очень плотном состоянии. Её называют фир. А вот кул - это что-то наподобие шайбы. Вот только оно создано из особого антимагического дерева. И если плотность клюшки будет недостаточна, то она просто пройдёт сквозь эту шайбу. Должна быть дичайшая концентрация и контроль, чтобы играть в эту игру. Я помнила это из фильма. Там было много сцен с фиркулом, и я смотрела их, затаив дыхание. Это было красиво. Опасно, но красиво.

Кстати, муж Эмилии является нападающим в своей команде, а заодно и капитаном. А их врачиха является в последние полтора года его любовницей. Именно с ней он сбрасывает весь пар после матчей. Эмили была в браке три года с этим Брайэном. Впервые встретив его, она отказалась от своей карьеры, от блестящего будущего. Отец тогда сильно на неё рассердился и сказал, что домой она может вернуться только одна, без этого слюнтяя. Она ушла и помогла построить своему любимому карьеру. Исподволь направляя его в нужное русло. Давала нужные советы, следила за его здоровьем. И вот он как ей отплатил.

Вот только она так и не призналась, чья она дочь. Именно в день аварии она хотела рассказать о беременности и о том, кто ее отец. Но эта авария все перечеркнула. Итог печален. Эмили погибла, а я оказалась в её теле. И если это не плод моей воспалённой фантазии, то я даже рада, что оказалась тут. Тут у меня есть семья, а там я лишилась всего. Ни семьи, ни друзей, ни просто близких людей. А ещё я помнила, как выглядела та Эмили. Такая шикарная красотка! Ммм... В общем, плюсы перевешивают минусы.

Зачем изводить себя переживаниями? Если это сон, то скоро он завершится. Если правда, то у меня впереди целая неделя для обдумывания плана дальнейшей жизни. Я лежала, смотрела в потолок и чувствовала, как внутри меня что-то меняется. Страх никуда не ушёл, но к нему прибавились любопытство и надежда. Я не знала, что будет дальше. Но я знала, что не хочу назад, в свою унылую жизнь. И если для этого нужно стать Эмилией Бреннет, что же. Я справлюсь. Я всегда справлялась. Отец учил меня доводить начатое до конца. И я доведу. Я выживу. И, может быть, даже найду своё счастье.

Где-то там, за окном, светило солнце. Верхушки деревьев качались на ветру. Где-то там был мир, в котором я оказалась. И я собиралась в нём начать жить заново.

Глава 4. Яд

Три дня мне вливали капельницы и укладывали на тело какие-то кристаллы. Они были холодные и гладкие, будто речные камни, отшлифованные водой до зеркального блеска, и когда их прижимали к коже, по телу расходилась волна покалывания - предвестники грядущей боли, будто кто-то очень аккуратно проводил по нервам кончиками пальцев. Кристаллы были разного цвета: одни прозрачные, как лёд, другие с лёгким голубоватым оттенком, третьи - почти белые, матовые, и когда на них попадал солнечный свет, они начинали слабо мерцать, будто внутри них что-то жило. Медсестра раскладывала их на моём теле в определённом порядке. Ноги, таз, грудная клетка, руки и даже лоб, - и каждый раз приговаривала, что это ускоряет восстановление костей. Видимо именно в них содержалось то самое заклинание, которое должно было меня исцелить.

Я наконец чувствовала всё своё тело, но, кроме рук, ничего не шевелилось. Я могла сжать пальцы, могла повернуть кисть, могла дотянуться до края одеяла и смять его в кулаке, когда боль становилась совсем невыносимой. Но ноги оставались неподвижными, будто налитыми свинцом. Я пыталась пошевелить пальцами ног - и мне это не удавалось. Я пыталась напрячь колени - и ничего не происходило. Это было самое страшное ощущение: знать, что ноги есть, ощущать их присутствие и при этом не иметь над ними никакой власти.

Боль была адская, но приходилось терпеть. Анестезию нельзя было применять, так как она вступала в конфликт с магическим исцелением. Доктор Морган объяснил это в первый же день, когда я спросила, почему мне не дают ничего обезболивающего. Он стоял у моей кровати, держал в руках папку и говорил спокойно и размеренно.

- Магическое исцеление работает на клеточном уровне, - говорил он. - Оно восстанавливает кости, ткани, нервные окончания. Но если в кровь попадают обезболивающие препараты, магия воспринимает их как чужеродное вмешательство и начинает бороться не с травмой, а с лекарством. Процесс замедляется, а иногда и вовсе останавливается. Поэтому мы вынуждены просить вас терпеть. Я понимаю, что это жестоко. Но это единственный способ поставить вас на ноги за семь дней.

- Семь дней, - повторила я. - Семь дней боли.

- Семь дней, - кивнул он. - Потом вы сможете ходить. Конечно, сначала с осторожностью, с поддержкой, но ходить. Я обещаю.

Я смотрела на него и думала, что если бы он не был так спокоен, если бы в его голосе была хоть капля сомнения, я бы, наверное, не выдержала. Но он говорил так уверенно, будто уже видел меня стоящей на ногах, и я решила, что тоже попробую это увидеть. Всего семь дней. Семь дней, и я смогу нормально передвигаться. Я смогу. Я выдержу.

Каждый день производили магическую чистку моего тела. Это была отдельная процедура, которую проводила медсестра - женщина лет сорока. Она приходила утром, после того как врач заканчивал осмотр, и приносила с собой небольшой стеклянный шар, внутри которого клубился серебристый туман. Она ставила шар на столик рядом с кроватью, клала ладони мне на грудь и начинала что-то шептать - тихо, нараспев, на языке, который я не понимала. Туман из шара вытягивался тонкой струйкой, обвивал моё тело, проникал под кожу, и тогда по мне прокатывалась волна тепла, а потом - холода, и снова тепла. Это было странное ощущение: будто тебя выворачивают наизнанку, промывают и возвращают обратно. Да, вроде ты чист, но это никак не могло сравниться с мытьём под душем. После чистки кожа оставалась сухой, волосы казались ломкими и безжизненными. Мне до жути хотелось просто постоять под горячей водой, чтобы смыть с себя всё - и боль, и страх, и запах этой палаты. Но я не могла встать.

Палата, в которой я лежала, была большой и светлой. Окно было широкое, от пола до потолка, с лёгкими полупрозрачными занавесками, которые колыхались от каждого движения

воздуха. За окном виднелись верхушки деревьев - зелёные, пышные, будто кто-то специально посадил их так, чтобы они заглядывали в палату. Небо было бескрайним, чистым, без единого облака, и я подолгу смотрела на него, пытаясь представить, что там, за горизонтом. В моём мире, в моей прошлой жизни, я редко смотрела на небо. Я смотрела в экран, в бумаги, в пол. А здесь небо было единственным, что не вызывало боли.

Пол в палате был покрыт мягким ковролином - не то бежевым, не то песочным, - и шаги медсестры, когда она входила, были почти неслышными. Рядом с кроватью стояла тумбочка с гладкой поверхностью, на которой лежали мои вещи: расчёска, стакан с водой, маленькое зеркало в серебряной оправе. Я не сразу решилась посмотреть в зеркало. Я боялась увидеть чужое лицо. Но когда всё-таки посмотрела, то не сразу узнала в этой незнакомке ту Эми, что я видела в фильме. Лицо похудело и осунулось. Огромные глаза, кажется, стали еще больше. А еще появилась складка между бровей. Несчастья никогда и ни кого не красили. Я всмотрелась в свое новое лицо, теперь оно было моим.

Над кроватью висел небольшой светильник с матовым абажуром, а на стене напротив - картина с изображением моря. Море было спокойным, лазурным, и на горизонте виднелся парусник. Я смотрела на эту картину, когда боль становилась совсем невыносимой, и представляла, что я на этом паруснике, что ветер дует мне в лицо, что под ногами палуба. Это отвлекало меня и помогало. Ненадолго, но помогало.

От боли я почти всё время была в полубреду, изредка выныривая из этого марева оглушающей боли. Дни я могла отличить один от другого только тем, что врач говорил мне каждое утро:

- Доброе утро! Сегодня первый день лечения.
- Доброе утро! Сегодня второй день лечения.
- Доброе утро! Сегодня третий день лечения.

Его голос был моим календарём, моей единственной зацепкой за реальность. Я считала дни по его приветствиям. Ждала их. Знала, что если он сказал «доброе утро», значит, ночь прошла, значит, я всё ещё жива, значит, я ещё на один день ближе к тому моменту, когда смогу встать. Иногда пыталась представить, как он выглядит в этот момент: стоит у двери, в халате, с папкой в руках, и смотрит на меня с этим своим профессиональным участием. Мне казалось, что за эти три дня я узнала его лучше, чем узнала бы за год в обычной жизни. Он был из тех людей, кто не говорит лишнего, не обещал мне, что всё будет легко. Он обещал, что всё будет хорошо. И я ему верила.

На третий день всё и произошло. Врач уже ушёл, пожелав мне очередного доброго утра. Я как раз выплыла из пелены боли. Утро уже вступило в свои права, заливая мою палату солнечным ярким светом. В этом свете были видны парящие пылинки. Я любовалась их танцем. Они кружились медленно, беззаботно, будто не знали, что где-то рядом есть боль, страх и чужие злобные взгляды. Я смотрела на них и думала, что если бы можно было стать такой пылинкой, я бы, наверное, согласилась. Летать в солнечном луче, не чувствовать тела, не помнить, не бояться.

Она вошла уверенно, будто это была её палата, её клиника, её мир. Очень красивая женщина с ярко-красными волосами. Они были такими яркими, что казались почти неестественными, будто чем-то сдерживаемые жгуты крови были на ее голове. Волосы падали на плечи мягкими волнами, и я невольно подумала, что на них ушло, наверное, немало денег и времени. Она была одета в дорогое пальто, которое сидело на ней так идеально, будто было сшито на заказ. На ногах - туфли на высоком каблуке, которые цокали по ковролину, несмотря на его мягкость. Она мне так мило улыбалась, а вот слова были наполнены ядом.

- Посмотрите на эту бедняжку, - произнесла она, и голос у неё был мягкий, певучий, почти ласковый. - Её толкают - она падает, но встаёт. Её унижают - она же гордо задирает голову и ведёт себя как королева. Её убивают, но она продолжает цепляться за свою никчёмную

жизнь. Ты - грязь. Мусор под моими ногами. Ты мешаешь нам с Брайэном быть счастливыми. Но ничего, я сейчас всё исправлю. Ты больше не будешь стоять на моём пути.

Она говорила это, не переставая улыбаться. Улыбка была красивая - белые зубы, ровные губы, - но глаза оставались холодными, как лёд. Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри поднимается что-то, чего я давно не чувствовала. Злость. Холодная, ясная злость. Эта женщина пришла в мою палату, чтобы убить меня. Не потому, что я была плохой. Не потому, что я сделала ей что-то. А потому, что я мешала. Просто мешала.

Да, я узнала её сразу. Любовницу моего мужа. Далию Улшури. Ту самую, ради которой муж Эми вывернул неблит. Ту самую, что сидела на переднем сидении, когда Эмилия приняла удар на себя. Вот только я же «потеряла память». Поэтому сейчас постаралась разыграть ничего не понимающую овечку. Я широко открыла глаза, сжала простыню здоровой рукой и спросила как можно более растерянно:

- Кто вы? Кто такой Брайэн? Мы знакомы?

Не прокатило. Эта змея зашипела, и её милая улыбка стала кривой, будто треснула пополам. Она сделала шаг ко мне, потом ещё один, и я увидела, как её пальцы сжались в кулаки.

- Что, удар головой был настолько сильным, что ты потеряла память? - Она наклонилась ближе, и я увидела, как в её глазах плещется что-то тёмное, больное. - Но мне всё равно. Я избавлюсь от тебя. Ты для Брайэна как больная зависимость. Как раковая опухоль, которую просто надо удалить.

Она истерически засмеялась. Смех был высокий, резкий, некрасивый. Он не вязался с её красивым лицом, с её дорогим пальто, с её идеальными волосами. Да она больна! Больна и не лечится. А ещё врач. Подумала я с укоризной, смотря на неё. Эта красноволосая сука что-то достала из своей сумочки - маленькой, кожаной, с блестящей застёжкой, - бормоча себе под нос, что наконец-то она излечит Брайэна от меня. Что они будут счастливы вместе. Теперь он будет принадлежать только ей одной. Она будет единственной его женщиной.

В её руках что-то блеснуло. Я так и не поняла, что это. То ли маленький шприц, то ли ампула, то ли что-то ещё, чего я не знала. Она повернулась ко мне спиной и закрыла собой капельницу, явно с ней что-то делая. Я слышала, как она бормочет, как звякает что-то о стекло, как меняется ритм писка приборов. Я в бессилии протянула к ней руку, умоляя оставить меня в живых. Я хотела крикнуть, но голос не слушался. Я хотела позвать на помощь, но сил не хватало. Хотела нажать на тревожную кнопку, но мои силы стали стремительно таять и их не хватало чтобы до нее дотянуться. А потом новый приступ адской боли поглотил моё сознание.

В себя я пришла уже вечером. За окном было темно, и только уличные фонари бросали на потолок длинные жёлтые тени. Я всё ещё была жива. Рядом сидел мой врач. Он с беспокойством смотрел мне в глаза, и в его взгляде было что-то такое, от чего мне стало страшно. Мне было страшно узнать, что он собирался сказать мне. Он держал в руках папку, с которой всегда приходил. Вот только сейчас она лежала у него на коленях закрытой, и он не смотрел в неё. Он смотрел на меня.

- Я не думал, что она дойдёт до такого, - тихо произнёс доктор Морган. - Она ввела вам в капельницу питрес. Он полностью разрушает магические каналы и высасывает сначала магию из тела, а когда она заканчивается, то начинает тянуть и жизненные. И самое ужасное, что эта смерть очень мучительна и протекает в течение трёх дней. Я успел вовремя.

Я слушала его и чувствовала, как холод пробирается под кожу. Питрес. Три дня мучений. Значит, если бы он не успел, я бы умирала сейчас - медленно, больно, с каждым часом чувствуя, как из меня уходит жизнь. Я представила это: лежать здесь, смотреть в потолок и знать, что через три дня меня не станет. И никого рядом. Я сглотнула и спросила:

- Она может снова прийти и завершить своё дело?

- Нет, - он покачал головой. - Я успел связаться с лиатами - стражами правопорядка. Отдал им видеозаписи, которые подтверждают, что она покушалась на вашу жизнь. В палате

есть камеры, они скрытые, но они есть. Они были установлены еще при открытии больницы, но о них знает только управляющий и ведущие врачи. Они тут как раз на такой случай, как произошел сегодня. Я решил не рисковать вашим здоровьем и пытаюсь оградить вас. Так просто ей не выбраться.

Я лишь горько улыбнулась. Ведь по фильму я помнила, что Брайэн отдаст последнюю копейку, но вытащит свою любовницу даже из последнего круга ада. И тут он явно не даст ей пропасть за решёткой. Он найдёт способ. Он всегда находит. Он слишком привык к тому, что у него есть деньги, связи и люди, которые решают его проблемы.

Если сравнивать Эмилию и его любовницу, то нельзя сказать, что одна красивее другой. У обеих идеальные тела, красивые лица, роскошные волосы. Так за что он так с Эмилией поступил? И на этих мыслях меня прошиб холодный пот. Ведь он действительно меня не отпустит. Он слишком привык к тому комфорту, что дарила ему Эмилия. Вот только я не та Эмилия. Я не буду для него прислугой и девочкой для битья, для его любовницы.

Мысли суматошно метались в моей голове. Мне надо было найти выход из этой ситуации. Причём в кратчайшие сроки. Пока я опять не погрузилась в те приступы боли от исцеления. Ведь боль как набегающие волны, начала наваливаться на меня. Я сдерживалась из последних сил и попросила врача о помощи. Пусть свяжутся с моим отцом, Артуром Филонси, и инсценируют мою смерть. А меня спрячут так далеко, чтобы меня не нашли ни муж, ни его любовница.

Доктор Морган смотрел на меня долго и удивленно, не перебивая. Когда я закончила, он взял папку, положил её на тумбочку и сложил руки на коленях. В палате стало тихо. Только писк приборов нарушал эту тишину.

- Вы понимаете, о чём просите? - спросил он наконец. - Инсценировать смерть - это не просто подделать документы. Это значит, что вы исчезнете. Из своей жизни, из жизни своей семьи, из жизни своего мужа. Вы не сможете вернуться. По крайней мере, не скоро. Вы готовы к этому?

- Я готова, - сказала я, и голос у меня не дрогнул. - Я не могу вернуться к мужу. Вы видели, что сделала его любовница. А он... он её защитит. Он всегда её защищает. Если я вернусь, он найдёт способ избавиться от меня. И в следующий раз моя смерть может быть еще более ужасной.

- А ваш отец? - спросил доктор. - Вы уверены, что он согласится?

- Я не знаю, - честно ответила я. - Но я помню отрывок из прошлого, что он не хотел этого брака. Он говорил мне, что домой я могу вернуться только одна, без этого слюнтяя. Может быть, он согласится. Может быть, он поймёт. Если нет... тогда я не знаю, что делать.

Доктор Морган кивнул. Он встал, подошёл к окну и некоторое время смотрел в темноту. Я видела его отражение в стекле - усталое лицо, седые виски, плотно сжатые губы. Потом он повернулся ко мне.

- Я свяжусь с вашим отцом, - сказал он. - Но не сегодня. Сегодня вы должны отдохнуть. Завтра утром я приду, и мы всё обсудим. Если ваш отец согласится, мы придумаем, как это сделать. Но сначала вы должны восстановиться. Хотя бы немного. Сейчас вы не сможете исчезнуть, ваше состояние критическое. Вы не выдержите перевозки.

- Хорошо, - сказала я. - Спасибо, доктор.

Он ушёл, тихо прикрыв за собой дверь. Я осталась лежать в темноте, смотреть на жёлтые тени на потолке и думать о том, что я только что попросила. Инсценировать смерть. Исчезнуть. Оставить позади всё - имя, тело, жизнь. Может быть, это было безумием. Может быть, я делала ошибку. Но я не видела другого выхода. Я не хотела умирать снова и снова. Я не хотела, чтобы эта сука с больными глазами пришла и закончила то, что начала. Я хотела жить. Даже в чужом мире. Даже в чужом теле. Даже без её памяти о прошлом. Я просто хотела жить.

Боль вновь унесла меня в свои пучины и мое сознание не выдержав, отключилось.

Глава 5. Муженек

Утро я встретила привычным голосом доктора Моргана, который сообщил, что сегодня отсчёт дней прерван. Из-за вмешательства этой красноволосой суки моё исцеление затягивается. Мне сейчас надо оправиться после отравления, и только после этого мы вновь начнём усиленное исцеление моего тела. Он стоял у моей кровати, держал в руках папку и говорил спокойно, но в его голосе чувствовалась усталость, будто он не спал всю ночь. Может, и не спал. Может, всю ночь думал о том, что делать дальше.

- Питрес - коварная штука, - сказал он, закрыв папку. - Он выводится из организма не сразу. Сначала мы должны очистить кровь, восстановить магические каналы, а уже потом браться за кости. Это займёт ещё пару дней. Может, три. Я не могу обещать, что вы встанете через неделю, как я говорил раньше. Простите. К сожалению я не смогу убрать приступы боли от питреса. Если раньше обезболивающие нельзя было применять, так как они тормозили бы ваше выздоровление, то теперь они просто не подействуют.

- Я понимаю, - ответила я. - Это не ваша вина.

- Я всё равно чувствую себя виноватым, - он покачал головой. - Я должен был предвидеть, что она придёт. Я знал, что она врач, что у неё есть доступ, что она может что-то сделать. Но я не думал, что она решится на убийство. Это... это за гранью. - Врач поднялся и вышел.

Я ничего не сказала ему в ответ. Я лежала и думала о том, что для Далии это не было за гранью. Для неё это было просто ещё одним шагом. Одним из многих. Она желала моей смерти, потому что я мешала. Потому что я была «раковой опухолью» для столь желанного ей Брайэна. Я лежала и смотрела в потолок, а в голове у меня крутились её слова, её смех, её красные волосы. Я не боялась её. Я боялась того, что она может сделать, если ей дать ещё один шанс.

Дверь распахнулась без стука. Отлетела и ударилась в стену, как будто её открыли ногой. Я вздрогнула и повернула голову. В палату ворвался Брайэн Бреннет - капитан команды по фиркулу и по совместительству муж бывшей Эмилии. Я видела его в фильме, но вживую он был совсем другим. Красивый, высокий, с тёмными волосами и квадратным подбородком, он выглядел как человек, который привык, что перед ним открываются все двери. Вот только сейчас его лицо было искажено от ярости. Не от беспокойства или страха за жену. От ярости. Будто это я была виновата в том, что произошло. Будто это я ввела себе питрес при этом подставив его любовницу. В его серых глазах блистали молнии. Казалось вырвись они и испепелят меня мигом.

Он не сюсюкал со мной, не называл «дорогой», не спрашивал, как я себя чувствую. Его законная жена лежала в больничной кровати, с капельницей, вся в гипсе, с тёмными кругами под глазами, - а он сразу перешёл к делу. Подошёл к кровати, навис надо мной и сказал:

- Ты напишешь заявление. Сегодня же. Что произошла ошибка. Что Далия ничего не делала. Что это недоразумение.

Я смотрела на него широко раскрытыми глазами и пыталась понять, шутит ли он. Нет, не шутил. Его лицо было серьёзным, злым, нетерпеливым. Он смотрел на меня так, будто я была не человеком, а нелепым препятствием, которое надо убрать. Я не могла ничего ему противопоставить. Я лежала, прикованная к кровати, с телом, которое не слушалось. Я не могла встать, не могла позвать на помощь, не могла даже отодвинуться. Я могла только смотреть на него и молчать.

- Ты слышишь меня? - он наклонился ближе, и я почувствовала запах его одеколона - резкий, дорогой, неуместный в этой палате. - Далия не делала ничего. Ты поняла? Она просто зашла проведать тебя. А ты... ты, видимо, что-то себе надумала. От удара головой. Тебе показалось. Ты напишешь, что тебе показалось.

Он говорил быстро, напористо, не давая мне вставить ни слова. Потом он выпрямился и посмотрел на меня сверху вниз. В его глазах промелькнуло что-то непонятное. Он попробовал сменить тактику.

- Ты же помнишь, как мы были счастливы? - спросил он, и голос у него стал мягче, почти нежным. - Вспомни. Мы же любили друг друга. Я не хочу, чтобы это всё рухнуло из-за какого-то недоразумения. Подумай о нашей репутации. О моей команде. Обо мне. Если это попадёт в газеты, всё кончится. Меня не поймут. Тебя не поймут. Мы должны быть заодно.

Я смотрела на него и думала, что он действительно верит в то, что говорит. Он верит, что можно прийти к жене, которую только что пытались убить, и попросить её соврать. Ради репутации. Ради команды. Ради него. Я не знала, что ответить. Я не могла сказать «нет» - он бы не принял отказа. Я не могла сказать «да» - это было бы предательством самой себя, той Эмилии, которая умерла, и той, которая выжила. Я не могла ничего. Я могла только смотреть на него и чувствовать, как внутри поднимается тошнота.

А еще было нереально больно за ту Эмилию, что погибла. Она вся в гипсе, и правая рука которой она писала тоже в гипсе, целой осталась только левая рука. Чем я должна писать? Ушами? Носом? Или левой пяткой правой ноги? Он совсем кретин?

А потом меня охватила и паника. Как мне выбраться из этой ситуации не потеряв себя и свою жизнь? Что мне делать? На меня снова накатила волна боли и я в этот раз не стала сдерживаться. Мое тело скрутило от боли, а из горла вырвался крик. Меня выгибало от судорог, а я продолжала кричать, пока голос совсем не пропал. Мне становилось все хуже и хуже. Перед тем как я потеряла сознание я зацепилась взглядом за Брайэна. На его лице не было сожаления, он просто с холодным взглядом смотрел на мои мучения. Как смотрят на возню раздавленного жука, что еще пытается шевелится не осознавая, что уже мертв.

Дверь снова открылась, и в палату вбежал доктор Морган. Он посмотрел на свою пациентку, потом на Брайэна, и его лицо стало жёстким.

- Что вы здесь делаете? - спросил он, и голос у него был холодный, как лёд. - Я же сказал, что пациентке нужен покой. Любое волнение может её убить. Вы понимаете это? Вы хотите, чтобы она умерла?

- Я её муж, - сказал Брайэн, и в его голосе снова появилась ярость. - Я имею право...

- Вы имеете право не входить в палату без моего разрешения, - перебил его доктор. - И сейчас я прошу вас выйти. Немедленно. Иначе я вызову лиат.

Брайэн посмотрел на него, потом на тело, которое еще корчилось от судорог. Но доктор Морган не отступал. Он стоял между ними, и в его позе было что-то такое, что не оставляло сомнений: он не сдвинется с места. Брайэн сжал кулаки, но не двинулся. Он был из тех, кто умеет вовремя остановиться. Он посмотрел на свою жену ещё раз и бросил:

- Я вернусь. И она сделает так, как я скажу.

Он вышел, хлопнув дверью. Доктор Морган подбежал к пациентке. Срочно вызвал медсестру с необходимым лекарством и часа три не отходил от ее постели. Это были три напряженных часа. Тело пациентки и так было слабо после аварии, а после отравления вообще было удивительным, что она была еще жива. А тут еще и этот эмоциональный удар.

Как только состояние Эмилии стабилизировалось, Морган уже не раздумывая достал телефон и набрал номер.

- … Да, она пострадала после аварии... Нет. Вылечить полностью не удалось, ее отравили питресом… Пришел требовать от нее отказ… Едва спасли…

В себя я приходила очень тяжело. Тело болело так, что казалось я попала под асфальтоукладчик и оставили только голову, чтобы чувствовать всю эту боль. Неужели это никогда не закончиться? Сколько мне еще надо страдать, чтобы начать жить нормально? Вроде никого не обижала, всегда старалась помочь чем могу. Так за что я должна все это сносить?

Пусть сознание и вернулось ко мне, только тело не подчинялось, даже веки не могла поднять. Зато слух ловил обрывки разговора врача с кем-то. Явно говорил про меня и про то, что со мной случилось. Как только его разговор завершился, я услышала приглушенные шаги. Меня кто-то взял за руку и нежно погладил.

- Всё будет хорошо, ты поправишься. Сейчас главное чтобы ты пришла в себя. С остальным мы справимся. Я позвонил твоему отцу. Обрисовал общую картину произошедшего с тобой. Держись девочка, он скоро будет.

Он вышел, и я осталась одна. Я постаралась расслабиться и представила, что отец уже едет. Что он входит в палату, смотрит на меня и говорит: «Я здесь. Всё будет хорошо». Я знала, что этого может не случиться, что он может не поверить, отказаться, прогнать меня. Но я надеялась. Надежда была единственным, что у меня оставалось. По крайней мере он все таки едет сюда и он любил свою дочь.

Я лежала и думала о том, что мне даже не придётся играть. Потеря памяти, травмы и сильнейшее отравление могут из самого невинного существа сделать самого гадкого демона. Да, мне придётся умереть для всего мира, чтобы выжить по-настоящему. Я стану другой. Я стану той, кем захочу. После стольких дней боли я уже не размышляла о том, что я в бреду или это сон или галлюцинация моего воспаленного мозга. Все, что происходит со мной здесь и сейчас — реальность. Значит надо жить полной жизнью, чтобы потом не жалеть ни о чем. И может быть, эта жизнь будет лучше, чем та, которую я оставила позади. Уверена, это будет начало чего-то нового и сказочного.

Глава 6. Свобода

Я не знала, сколько времени прошло с тех пор, как доктор Морган вышел из палаты, оставив меня одну с моими мыслями. Часы на стене показывали что-то невнятное, стрелки двигались то вперед, то назад и я все никак не могла определить который час. Я закрыла глаза и стала слушать. Слушала шаги в коридоре, голоса за дверью, шорох шин по мокрому асфальту за окном. После отравления слух у меня обострился до предела - я слышала то, чего раньше не замечала. Может быть, это была побочка от питреса. Может быть, просто нервы. Но когда в конце коридора раздались тяжёлые, уверенные шаги, я поняла, это он.

Дверь открылась вновь без стука и на пороге появился человек, которого я никогда не видела, но о котором знала по фильму. Артур Филонси. В фильме его не показывали ни разу - только упоминали в разговорах, вскользь, с той осторожностью, с какой говорят о человеке, чьё имя имеет вес. А теперь он стоял передо мной - высокий, широкоплечий, статный, в тёмном костюме, который сидел на нём так, будто был второй кожей, обтягивая его мускулистое тело. Волосы с проседью, зачёсанные назад. Лицо резкое, тяжёлое, с глубокими складками у рта. Он хмурился. Смотрел на меня своими пронзительно серыми глазами и молчал.

Потом подошёл к кровати, остановился, посмотрел сверху вниз и сказал:

- Главное, что ты жива. Это хорошо. Теперь рассказывай всё.

Голос низкий, с хрипотцой, без нежности. Я на секунду испугалась, что он сейчас развернётся и уйдёт. Но он не ушёл. Он сел на стул рядом - тяжело, будто ноги вдруг перестали его держать, - и взял мою здоровую руку. Осторожно, будто она была из тонкого стекла. Его пальцы были тёплыми и шершавыми, как у человека, который всю жизнь работал руками, а не только подписывал бумаги. Он гладил мою ладонь, и в его глазах было столько всего, что я не выдержала - отвела взгляд.

- Рассказывай, - повторил он тише.

И я рассказала. Про аварию - как я её помнила из фильма и как её описывал доктор Морган. Про неблит, про удар, про сломанный позвоночник, про ребёнка, которого я потеряла. Про то, как очнулась в этой палате и не почувствовала ног. Про Далию с ампулой питреса. Про то, как доктор Морган успел вовремя и как лиаты получили записи с камер. Про Брайэна, который ворвался и требовал, чтобы я написала заявление. Я говорила долго, сбивчиво, иногда останавливаясь, чтобы перевести дух. Артур не перебивал. Он слушал, и только желваки у него на скулах начали играть - медленно, ритмично, будто он сжимал и разжимал зубы от злости.

Когда я закончила, он отпустил мою руку, встал и подошёл к окну. Постоял там, глядя на верхушки деревьев, потом сказал - тихо, но так, что в палате стало холоднее:

- Я знал, что этот слизняк не доведёт тебя до добра. Но чтобы пойти на убийство… - Он замолчал. Плечи у него напряглись. - Я говорил тебе. Говорил, что он не пара. Что он думает только о себе. Что он сломает тебе жизнь. А ты не послушала. Ушла к нему. А теперь… - Он повернулся, и в его глазах была такая ярость, что я вжалась в подушку. - Теперь он ответит. И она ответит. Оба. Я обещаю.

Я смотрела на него и верила. Впервые за всё время, что я была в этом мире, рядом со мной был человек, который не просто сочувствовал, а собирался что-то сделать.

- Отец, - сказала я. Слово прозвучало непривычно, но так правильно. - Я не могу вернуться к нему. Если я останусь жива, они не оставят меня в покое. Далия уже пыталась меня убить. Брайэн приходил и требовал, чтобы я соврала для ее оправдания. Он даже не обратил внимания, что я писать не могу. Боюсь, что следующего раза я не переживу.

- Я знаю, - сказал он. - Я не позволю им сделать это.

- Ты не сможешь быть рядом всё время. У тебя дела, куча проектов, команда. А они будут ждать. Они терпеливые. Они дождутся момента, когда тебя не будет рядом со мной. И тогда… - Я замолчала, собираясь с силами. - Я хочу инсценировать свою смерть.

Он посмотрел на меня так, будто я ударила его. Лицо побелело, руки сжались в кулаки.

- Нет. Ты только вернулась ко мне. Я не собираюсь тебя хоронить.

- Отец, послушай. - Я попыталась приподняться на подушках, но это было еще мне не по силам. И волна боли прокатилась по моему телу. - Если я останусь Эмилией Бреннет, меня будут преследовать. Брайэн с Далией не отступят. Они будут приходить снова и снова, пока не добьются своего. А если я умру для них - они перестанут. Они потеряют цель. Я умру для них. А для тебя, для мамы, для брата и сестры я буду жива. Я вернусь домой, и они не будут знать, что я там. Так я буду в безопасности. И вы сможете быть рядом.

Артур долго молчал. Он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах целую бурю эмоций. Он только что вновь обрёл дочь и не хочет её терять, но понимает, что иначе потеряет её навсегда. Он снова сел на стул, взял мою руку и начал гладить. Его пальцы дрожали.

- Ты понимаешь, о чём просишь? - спросил он тихо. - Ты просишь меня похоронить тебя. Пусть и понарошку. Ты просишь меня смотреть, как гроб с твоим именем опускают в землю. Ты просишь меня жить с этим.

- Понимаю. И мне жаль. Правда жаль. Но это единственный способ. Я не хочу умирать по-настоящему. А если я останусь, они меня убьют. Рано или поздно. И тогда вы потеряете меня навсегда. А так у нас будет шанс.

Он закрыл глаза. Губы у него шевелились - может быть, он молился, может быть, ругался. Потом он открыл глаза и кивнул.

- Хорошо. Дома ты будешь под моей защитой. Я сделаю всё, что нужно. Но ты должна понимать: после этого ты не сможешь выходить в свет. Не сможешь появляться в городе. Не сможешь видеться с теми, кто знал тебя как Эмилию Бреннет. Ты станешь призраком. Ты готова?

- Я уже призрак, - ответила я. - Я умерла в тот момент, когда он весь удар перенес на меня. Теперь я просто хочу жить. По-настоящему. Даже если для этого придётся умереть для всего мира.

Он кивнул ещё раз. Потом встал, подошёл к двери и позвал доктора Моргана. Тот вошёл почти сразу - видимо, ждал за дверью. Артур посмотрел на него и сказал:

- Нам нужно поговорить. Втроём.

Доктор Морган перевёл взгляд с него на меня и обратно, потом закрыл дверь и подошёл к кровати.

- Я слушаю.

Артур изложил план коротко и чётко. Через свои связи он найдёт неопознанное тело молодой женщины, похожей на меня по комплекции и цвету волос. Таких тел в моргах немало - после аварий, после несчастных случаев, после пожаров. Он подкупит нужных людей, оформит документы. Доктор Морган «констатирует смерть» Эмилии Бреннет - якобы от последствий отравления и травм. Сделают фотографии подменного тела во время вскрытия, а потом кремируют в закрытом порядке, чтобы никто не смог провести экспертизу. Для внешнего мира Эмилия Бреннет умрёт.

Доктор Морган слушал молча. Когда Артур закончил, он покачал головой.

- Это рискованно. Если кто-то узнает…

- Никто не узнает, - перебил его Артур. - Я позабочусь. Вы получите документы, подписанные кем нужно. Ваша роль - констатировать смерть и подписать бумаги. Всё остальное - моя забота.

- А лиаты? Они уже начали дело об отравлении. Если потерпевшая умрёт, дело закроют.

- Именно. Дело закроют, и Брайэн с Далией успокоятся. Они решат, что победили. А мы тем временем будем готовить ответный удар. У меня есть планы на Далию. И на Брайэна. Но об этом позже. Сначала - смерть.

Доктор Морган посмотрел на меня. Я кивнула. Он вздохнул:

- Хорошо. Я сделаю это. Но вы должны понимать: я рискую не только карьерой. Я рискую свободой.

- Вас не посадят, - сказал Артур. - Я об этом позабочусь. Вы помогли моей дочери. Я этого не забуду.

Дальше всё пошло быстро. Артур ушёл, пообещав вернуться через день с новостями. Доктор Морган остался, проверил мои показатели, поправил капельницу и сказал, что мне нужно отдыхать. Я кивнула, но отдыхать не могла. Я лежала и думала о том, что через несколько дней я умру. Для Брайэна. Для Далии. Для газет, которые наверняка напишут о «трагической кончине жены капитана». Для соседей, для знакомых, для всех, кто знал Эмилию Бреннет. И на душе стало так легко. Я смогу начать жизнь с чистого листа, не оглядываясь на прошлое.

Артур вернулся через два дня, подошёл ко мне и сказал:

- Всё готово. Завтра доктор Морган констатирует смерть. Послезавтра - похороны. Ты должна быть готова.

- Я готова. Насколько вообще можно быть готовой к таким вещам.

Он взял мою руку и снова начал гладить. Теперь он делал это чаще. Будто не мог насытиться. Будто боялся, что если отпустит, я исчезну.

- Я не подведу тебя, - сказал он. - Обещаю.

На следующий день в палату пришёл доктор Морган с папкой. Он выглядел мрачным. Положил папку на тумбочку, посмотрел на меня и сказал:

- Я подписал документы. Время смерти - сегодня, четырнадцать тридцать. Причина - осложнения после отравления питресом и травм, полученных в аварии. Тело будет кремировано завтра. Фотографии вскрытия готовы. - Он помолчал. - Мне жаль, что так вышло. Но это правда единственный способ. Ты была права.

- Спасибо, доктор. Вы спасли мне жизнь. Дважды.

Он кивнул и вышел. Я осталась одна. За окном снова светило солнце, золотя своим светом верхушки деревьев. Где-то там был мир, в котором Эмилия Бреннет только что умерла. А я всё ещё дышала. Всё ещё была здесь.

Похороны были на следующий день. Меня там не было, конечно. Я лежала в палате и представляла, как всё происходит. Как гроб с «моим» прахом опускают в землю. Как Брайэн стоит у могилы, играет скорбь, даже выдавил пару слезинок. Как Далия стоит рядом в чёрном платье с постным лицом, а в глазах у неё торжество. Я знала, что так будет. Я видела это в фильме. Знала, что на следующий день Брайэн появится на приёме с Далией, и все будут шептаться, и никто не скажет ему в лицо, что он сделал. Знала, что лиаты закроют дело об отравлении. Знала, что для внешнего мира я мертва.

Но я знала и другое. У Артура были планы на Далию и Брайэна. Он не собирался оставлять это просто так. Он сказал мне об этом, когда пришёл вечером после похорон. Сел у кровати, взял меня за руку и сказал:

- Они думают, что победили. Пусть думают. Чем выше они поднимутся, тем больнее будет падать. Я не прощу им того, что они сделали с тобой. Ни ему, ни ей. Но сначала - ты. Ты должна поправиться. Ты должна быть сильной. А остальное - моя забота.

- Что ты собираешься сделать?

- Пока не знаю. Но что-нибудь придумаю. У меня есть связи, деньги, люди. Далия - врач. У неё есть лицензия, репутация. Если всё это рухнет, она потеряет всё. Брайэн - капитан команды. Если команда узнает, что он сделал, если газеты напишут… - Он замолчал, и на его губах появилась холодная улыбка. - Мне принадлежит несколько газет и журналов. Я

могу написать всё, что захочу. Но торопиться в этом деле нельзя. Месть. Это блюдо подают холодным. Я дам им время, они расслабятся. Тогда-то я и нанесу им удары.

Я смотрела на него и думала, что этот человек не просто мой отец. Это хищник в человеческом теле и он опасен. По-настоящему опасен. И я была рада, что он на моей стороне.

Меня перевезли в поместье Филонси через два дня. Ночью, чтобы никто не видел. Артур приехал за мной на закрытом неблите - чёрном, с тонированными стёклами. Доктор Морган помог меня перенести, вещей у меня не было, только то, что дала больница. Меня уложили на задние сидения, укрыли пледом, и неблит тронулся. Я смотрела в окно, на проплывающие мимо улицы, дома, фонари, и думала, что достаточно скоро я смогу все это увидеть стоя на своих ногах.

Поместье стояло на холме, окружённое старыми деревьями. В свете фонарей оно казалось почти сказочным - с колоннами, лестницами, высокими окнами. Внутри было тепло, пахло деревом и цветами. Меня встретила женщина. Мама. Я узнала её сразу, чисто интуитивно, ведь и ее в фильме не показывали да и вообще о ней говорили мало, но я представляла её именно такой: невысокая, с мягкими нежными руками и добрыми глазами, в простом домашнем платье. Она бросилась ко мне, обняла, и я почувствовала, как её слёзы капают мне на шею.

- Жива, - шептала она. - Жива, моя девочка.

Я не знала, что сказать. Я вообще не понимала как себя с ней вести. Но её объятия были тёплыми, и от них пахло чем-то знакомым. Я закрыла глаза и позволила себе на минуту расслабиться. Меня уложили в комнате на втором этаже - большой, светлой, с окном, выходящим в сад. Кровать была мягкой, одеяло - тёплым, и я впервые за долгое время почувствовала, что я в безопасности. Что я дома. Пусть и в чужом доме, и в чужой жизни.

Первые семь дней были адом. Отравление откатило всё, что я выстрадала за три дня лечения в клинике. Я снова не чувствовала ног, снова не могла двигаться, снова боль была такой сильной, что я временами теряла сознание. Но теперь я была не одна. Мама сидела у моей кровати, держала меня за руку, вытирала пот с моего лба, шептала что-то успокаивающее. Старший брат - серьёзный, немногословный - приходил каждый вечер, садился в кресло у окна и молчал. Иногда говорил: «Держись». Иногда просто смотрел. Но его присутствие было ощутимым. Сестра - младшая, весёлая, болтливая - приносила книги, читала вслух, рассказывала новости, смеялась над своими же шутками. Она не давала мне скучать. Она не давала мне сдаться. Артур приходил каждый день. Садился у кровати, брал меня за руку и гладил. Молча. Иногда говорил: «Ты справишься». Иногда: «Я горжусь тобой». Иногда ничего не говорил, просто сидел. И этого было достаточно.

Боль была адской. Я кричала, корчилась, кусала губы, чтобы не закричать ещё громче. Мама плакала вместе со мной. Брат сжимал кулаки так, что костяшки белели. Сестра выбегала из комнаты, чтобы не видеть, как мне больно. Артур сидел рядом и держал меня за руку, и его пальцы были тёплыми и шершавыми, и это было единственное, что помогало. Я выдержала. Не знаю как. Но выдержала.

Спустя семь дней я, конечно, не встала на ноги. Но уже могла сидеть и понемногу двигаться. Могла сама держать ложку, правой травмированной рукой. И в первое утро после исцеления я проснулась, открыла глаза и увидела маму, сидящую у моей кровати. Она смотрела на меня и улыбалась. Я улыбнулась в ответ. И тогда она заплакала, от облегчения.

- Ты смогла, - сказала она. - Моя девочка. Ты выдержала такую пытку.

Я протянула руку и взяла её за пальцы.

- Смогла, - ответила я. - Только благодаря вам всем, мама.

Это было первый раз когда я с ней заговорила. Просто я толком и осмотреться не успела, да и заново со всеми познакомиться, как мне возобновили лечение. Тогда было не до разговоров.

Потом пришёл брат. Он стоял в дверях, смотрел на меня и молчал. Потом подошёл, наклонился и поцеловал меня в лоб. В его глазах было облегчение - настоящее, глубокое, такое, что он даже не пытался его скрыть.

- Молодец, - сказал он. - Сразу видно, наша порода.

- Спасибо, братик. - слезы навернулись на мои глаза, так трогательно это все было.

Прибежала сестра, бросилась мне на шею, засмеялась, заплакала, затараторила что-то про то, как она рада, как она волновалась, как она не спала ночами. Я слушала её и чувствовала, как внутри меня оттаивает что-то, что было заморожено годами одиночества. Я никогда не знала, что такое семья. У меня был отец - добрый, любящий, но один. У меня не было матери, не было братьев и сестёр. А теперь у меня было всё это. И пусть это была не моя семья, пусть я была чужой в этом теле, - они смотрели на меня так, будто я была их. И я позволяла себе верить в это.

Артур пришёл вечером. Сел у кровати, посмотрел на меня и сказал:

- Ты выглядишь лучше.

- Я чувствую себя лучше. Спасибо. За всё. За то, что ты сделал. За то, что ты рядом.

- Ты моя дочь, - сказал он просто. - Я всегда буду рядом.

И я поняла, что это правда. Что бы ни случилось, этот человек будет рядом. Он не бросит меня. Он не предаст. Он защитит. Впервые за долгое время я почувствовала себя в безопасности.

Вечером я лежала в своей комнате и смотрела в окно. В саду зажигались фонари - один за другим, медленно, будто кто-то шёл по дорожке и оставлял за собой свет. Где-то внизу мама гремела посудой, сестра смеялась над чем-то, брат читал газету. Я слушала эти звуки и думала, что теперь я наконец вырвалась из удушающих оков прошлого. Для Брайэна и Далии меня нет. Для внешнего мира меня нет. Но я жива и свободна. А еще у меня есть любящая меня семья.

Глава 7. Семейные проблемы

С каждым днём я всё лучше управляла своим телом. Это было медленно, мучительно медленно, но всё же прогресс был. Сначала я могла только шевелить пальцами ног - и плакала от счастья, когда почувствовала, как большой палец правой ноги отозвался на мою мысль. Потом появилась чувствительность в коленях: я могла согнуть ногу, правда, тут же начинала ощущать тянущую боль. Врач говорил, что это нормально, что мышцы вспоминают, как работать, что боль - это хорошо, значит, нервы восстанавливаются. Я кивала и терпела. Я уже привыкла терпеть боль за последнее время.

Мне наняли специальную медсестру. Она делала мне восстанавливающий массаж, помогала выполнять специальную гимнастику, делать первые шаги. Так же она строго следила за приемом лекарств, что прописал мне врач.

Через три недели после завершения лечения, я уже могла передвигаться по стеночке одна или под руку с кем-то из семьи. Это было неловко, медленно, иногда унизительно: взрослая женщина, а идёт, держась за стену, как ребёнок. Но я не жаловалась. Я радовалась. Каждый шаг был маленькой победой. Каждый метр, пройденный от кровати до окна, - достижением.

Дом я изучала постепенно, шаг за шагом. Он был огромным, и в нём было столько всего, что будь я здорова и пройдись сразу по нему, то не успела бы ничего запомнить. Первый этаж: просторная гостиная с камином, где на полках рядом с ним стояли фотографии - я рассматривала их подолгу, пытаясь найти в лицах знакомые черты. Вот отец, без седины, с улыбкой, которая делала его лицо почти мягким. Мама - совсем юная, в светлом платье, с цветами в волосах. Брат - мальчик лет десяти, серьёзный, с книгой в руках. А это сестра - малышка с косичками, смеётся и тянется к камере. И вот Эмилия - та, чьё тело я заняла. Она была красивой. Очень красивой. Светлые волосы, сереневые большие глаза в которых читалась уверенность, правильные черты лица, прямой нос. Я смотрела на неё и думала: «Ты не знала, что тебя ждёт. Ты думала, что у тебя всё впереди. Ты не знала, что твой муж решит пожертвовать тобой ради спасения другой». Я не чувствовала к ней ни жалости, ни зависти. Только странную связь. Мы были как две женщины, которые никогда не встретятся, но судьба одной теперь стала судьбой другой.

Стены первого этажа украшали картины. Настоящие, в тяжёлых рамах, с подписями в углу. Я не разбиралась в живописи, но чувствовала, что это дорого. На одной был изображён морской пейзаж - бурное море, тёмное небо, маленький корабль, борющийся с волнами. На другой - портрет женщины в старинном платье, с высоким воротником и длинными пальцами, сжимающими веер. На третьей - дети, играющие в саду, смеющиеся, радостные. Я любила эту третью больше всего. Останавливалась возле неё и гладила раму, будто могла почувствовать тепло, которое художник вложил в нее.

Вечерами я много беседовала с родными. Мама рассказывала о доме, о том, как они с отцом его покупали, как обустраивали, как выбирали мебель. Она говорила о Эмилии - о её детстве, о том, как она росла, как мечтала о карьере, как встретила Брайэна. В её голосе была горечь, когда она вспоминала о замужестве дочери. «Он был таким обаятельным, - говорила она. - Умел говорить, умел нравиться. А мы не видели, что за этим стоит. Только отец твой видел. Он сразу сказал: этот человек тебя погубит. А ты не послушала». Я слушала и кивала. Я не могла рассказать ей правду - что я не её дочь, что в теле ее дочери чужая душа из другого мира. Думаю это бы убило ее. Но я с удовольствием слушала.

Брат - его звали Ричард - был немногословен. Он редко говорил о чувствах, но всегда был рядом. Когда я тренировалась ходить, он поддерживал меня под локоть, и его рука была твёрдой и надёжной. Когда я уставала и садилась передохнуть, он приносил мне воды. Когда я спрашивала его о фиркуле, он оживлялся и начинал рассказывать - подробно, со знанием дела,

с той страстью, с которой говорят о деле своей жизни. Из его рассказов я узнала больше, чем из фильма. Фиркул оказался сложнее, чем я думала.

Это была игра, в которой магия и физическая сила сливались воедино. Каждый игрок создавал себе клюшку - фир - из чистой магии, удерживая её в плотном состоянии. Чем плотнее была клюшка, тем сильнее был удар. Но плотность требовала концентрации. Постоянной, изматывающей концентрации. Если игрок отвлекался, если терял контроль, клюшка становилась мягкой и проходила сквозь кул - шайбу, сделанную из антимагического дерева. И тогда - провал. Тогда - поражение.

- Это как жонглировать огнём, - сказал Ричард однажды вечером, когда мы сидели в гостиной. - Если ты держишь ритм, всё красиво. Если нет - сгораешь.

- А ты? - спросила я. - Ты играешь?

- Играл. В юности. Потом отец попросил помочь с командой. Я стал тренером. Это тоже игра, только с людьми.

Он улыбнулся, и я впервые увидела, как его серьёзное лицо становится почти мальчишеским. Мне нравился этот человек. Он был надёжным. Как стена, на которую можно опереться.

Сестра - её звали Лилиана - была полной противоположностью брата. Она болтала без умолку, перескакивала с темы на тему, смеялась над своими же шутками и заражала этим смехом всех вокруг. Она приносила мне книги, читала вслух, когда я уставала, рассказывала новости, которые порой сама же и придумывала. С ней было легко. С ней я чувствовала себя не больной, а просто человеком, у которого есть семья. Она называла меня «сестрёнка» и делала это так естественно, что я перестала вздрагивать.

Отец приходил каждый вечер. Он садился у моей кровати, брал меня за руку и гладил. Иногда говорил о делах, иногда молчал. Однажды он сказал:

- Ты изменилась.

Я напряглась.

- В чём?

- Не знаю. Ты стала... спокойнее. Будто нашла что-то, что искала. Раньше ты была другой. Вспыльчивой, резкой. А теперь смотришь на всё иначе.

- Я не помню какой была до аварии. Она меня изменила. Если помнишь, то я потеряла память. Я теперь живу с чистого листа. — После этих слов я улыбнулась ему и сжала его руку.

Отец так же улыбнулся мне в ответ и кивнул своей головой в согласии. Он просто принимал меня такой, какая я есть. И это было самое ценное.

Однажды вечером я, опираясь на стену, прогуливалась по первому этажу. Да, я уже могла сама спускаться по лестнице и бродить по дому. Не вериться, что прошло уже два месяца как я оказалась тут. Уже стемнело, повсюду горел мягкий приглушенный свет, дом был тихим и сонным. Я изучала обстановку, любовно гладила потрясающие картины, которые полюбила с первого взгляда. Я остановилась возле последней и провела пальцами по раме. Художник изобразил детей так живо, что казалось, они вот-вот выбегут из рамы и засмеются. Я улыбнулась своим мыслям.

И тут услышала крики.

Они доносились из кабинета отца - комнаты в конце коридора, за тяжёлой дубовой дверью. Я замерла. Кричали двое: отец и брат. Голоса были громкими, резкими, взволнованными. Я испугалась. Может быть, они ссорятся? Может быть, случилось что-то страшное? Я знала, что не должна вмешиваться. Это не моё дело. Я здесь еще толком не освоилась и лезть в их разговоры - не лучшая идея. Но любопытство и страх пересилили. Я пошла туда, прижалась к стене возле двери и прислушалась.

- Я не могу так больше! - говорил Ричард. Его голос был напряжённым, почти срывающимся. - У нас через десять дней решающий матч, а основной нападающий сломал ногу! Ты понимаешь, что это значит? Мы проиграем. Мы опозоримся. Вся лига будет смеяться над нами.

- Я понимаю, - отвечал отец, и его голос был холодным и твёрдым. - Думаешь, я не понимаю? Я не сплю ночами. Я ищу замену. Но найти нападающего такого уровня за десять дней невозможно. — На последних словах его голос повысился до крика.

- А Брайэн? - спросил Ричард. - Он приходил. Предлагал свою кандидатуру.

- Я отказал. Да и он хорош в защите, а нам нужен нападающий.

- Ну и что? Он же капитан. Он опытный. Он...

- Он предал мою дочь, - перебил отец, опять повысив голос. - Он пытался её убить. Ты хочешь, чтобы он играл в моей команде? Ты хочешь, чтобы он носил мою форму? Нет. Я скорее дам команде проиграть, чем позволю этому человеку войти в мой дом.

Я стояла за дверью и чувствовала, как внутри всё сжимается. Оказывается этот мудак Брайэн приходил. И как хорошо, что отец отказал ему. Если бы он не был виновен в той аварии, то отец с удовольствием взял его. И я понимала, что это было ради меня.

- Тогда что нам делать? - спросил Ричард. - У нас нет нападающего. У нас нет времени. У нас нет ничего.

- У нас есть команда, - сказал Артур. - У нас есть игроки. Мы что-нибудь придумаем.

- Что мы придумаем? Чудо?

Я стояла за дверью и думала. Все эти дни я от безделья изучала тактику игры, интересно же, чем занимается моя семья. Я читала книги, которые приносила Лилиана, смотрела записи матчей, которые находила в библиотеке отца, разбиралась в схемах, которые рисовал Ричард. Я была очень далека от степени эксперта по данной игре. Но я была аналитиком. В прошлой жизни я умела смотреть на людей и видеть, на что они способны. Я умела находить сильные и слабые стороны. Я умела составлять комбинации.

Я сделала шаг к двери, а потом замерла в нерешительности. А вдруг они меня не послушают? Вдруг решат, что я ничего в этом не смыслю и пошлют куда подальше? Страх накатил волной. Я остановилась и начала глубоко дышать. Сделала неуверенный шаг. Потом ещё один, более уверенно а потом постучала. Все, назад пути нет.

Крики стихли. Через секунду дверь открылась, и на пороге появился Ричард. Он выглядел усталым и раздражённым.

- Эмилия? Что ты здесь делаешь? Ты должна отдыхать.

- Вы так громко кричали, что я невольно услышала, - сказала я. - Вы обсуждаете проблему с нападающим.

Ричард переглянулся с отцом. Отец подошёл к двери, посмотрел на меня и сказал:

- Это не твоя забота. Иди отдыхай.

- Подождите, - сказала я. - Я хочу помочь.

Они оба уставились на меня. Артур нахмурился. Ричард поднял бровь.

- Чем ты можешь помочь? - спросил он. - Ты едва начала ходить.

Ричард открыл дверь шире и жестом пригласил меня войти. Они помогли зайти мне в кабинет и сесть в удобное кресло. Я с удовольствием откинулась на спинку и расслабила уже побаливающие от напряжения ноги. Окинула взглядом окружающую обстановку. Кабинет был большой, с тёмными деревянными панелями на стенах, с полками, заставленными книгами и папками, с большим столом, на котором лежали карты и схемы.

- Я не собираюсь играть, - ответила я. - Я собираюсь думать. Все эти дни я изучала тактику фиркула. Я читала книги, смотрела записи, разбиралась в схемах. Я знаю, что у вас есть игроки, которые могут играть лучше, чем сейчас. Просто их нужно правильно расставить. - Я сделала паузу. - Я умею анализировать. Я в последнее время начала понимать, что пообщавшись с человеком и задав ему несколько нужных вопросов могу определить на что он больше всего способен. Дайте мне шанс. Дайте мне провести тесты среди игроков и новичков. Я найду оптимальные комбинации. Я найду вам нападающего.

Отец смотрел на меня долго. В его глазах появилось что-то новое - что-то похожее на уважение.

- Ты уверена? - спросил он. - Это ведь серьёзно. Это не игра в куличики.

- Я уверена, - сказала я. - Я не хочу быть обузой для вас. Я хочу быть хоть немного полезной. Позвольте мне помочь.

Ричард усмехнулся. Впервые за всё время, что я его знала, он усмехнулся.

- А она упрямая, - сказал он. - Как ты, отец.

Артур ничего не ответил. Он смотрел на меня, и в его глазах было что-то такое, что я не могла разгадать. Потом он кивнул.

- Хорошо. Завтра утром тебя привезут на тренировку. Посмотрим, что ты умеешь.

- Спасибо, - сказала я. - Вы не пожалеете.

- Посмотрим, - повторил он.

Медленно поднялась с кресла и при помощи брата подошла к столу, посмотрела на схемы и почувствовала, как внутри что-то загорается. Это было знакомое чувство. Чувство, когда ты видишь задачу и знаешь, что можешь её решить.

- Расскажите мне всё, - сказала я. - Всё, что знаете о команде, о игроках, о соперниках.

Отец и брат переглянулись. Потом Артур пододвинул мне стул, и они начали рассказывать. Они говорили долго, перебивая друг друга, споря, уточняя. Они рассказывали о каждом игроке: его сильные стороны, слабые, привычки, страхи, мечты. В общем все, что знали о них. Они рассказывали о соперниках: их тактику, их лидеров, их уязвимости, о которых они знали. Я слушала и запоминала. Я не записывала, потому что еще не привыкла к местной письменности. Читать могла без проблем, а вот писать… Помогало мне еще и то, что рука ещё плохо слушалась. Но я запоминала все эти буквы и пробовала писать. Это было моё. Это было то, что я умела делать лучше всего, запоминать.

Когда они закончили, я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. В голове у меня складывалась картинка. Пока ещё смутная, но уже что-то. Я видела, как можно перестроить команду, как найти нового нападающего среди тех, кто уже есть, как использовать слабости соперников. Это было возможно. Нужно было только время. И немного удачи.

- Ну что? - спросил Ричард. - Есть идеи?

- Есть, - сказала я, открывая глаза. - Но нам нужно провести тесты. Завтра же. Я хочу видеть каждого игрока в деле. И новичков тоже. Особенно новичков.

- Новичков? - удивился Артур. - У нас нет новичков. Команда сформирована.

- Тогда возмите, - сказала я. - Найдите тех, кто хочет играть. Тех, кто молод, голоден, злой. Тех, кто готов драться за это место. Я найду среди них того, кто нам нужен.

Артур смотрел на меня, и на этот раз я точно поняла, что он гордится мной.

- Хорошо, - сказал он. - Завтра в девять утра. Не опаздывай.

- Не опоздаю, - сказала я.

Я встала, опираясь на стол, и пошла к двери. Ричард догнал меня и взял под локоть.

- Ты уверена, что справишься? - спросил он тихо. - Ты ещё слаба.

- Справлюсь, - ответила я. - Я не хочу сидеть и ждать, пока всё рухнет. Я хочу быть частью этого. Хочу быть полезной.

Он ничего не сказал. Только кивнул и помог мне дойти до комнаты. У двери он остановился и посмотрел на меня.

- Знаешь, - сказал он, - ты действительно изменилась. Раньше ты бы не предложила помощь. Ждала бы когда мы сами разберемся со всем. А теперь... теперь ты другая.

Я улыбнулась.

- Может быть, - сказала я. - Может быть, я просто нашла то, что умею делать.

Он кивнул и ушёл. Я вошла в комнату, легла на кровать и закрыла глаза. Завтра будет новый день. Завтра я начну работать. Завтра я покажу им, на что способна. Я не знала, что

будет дальше. Но я знала, что не собираюсь сдаваться. Я слишком долго была жертвой. Пора становиться кем-то другим.

Глава 8. Моя победа

Следующим утром поехать не получилось. Я уже собралась, уже натянула первое попавшееся платье, уже представляла, как войду в тренировочный зал и начну задавать вопросы, - и тут в дверях моей комнаты появился отец. Он смотрел на меня так, будто я только что предложила выйти на улицу голышом.

- Ты куда собралась? - спросил он.

- На тренировку. Вы же сами сказали - в девять.

- Сказал. Но не подумал. - Он прошёл в комнату, встал у окна, заложил руки за спину. - Если тебя узнают - всё рухнет. Твоя смерть, похороны, твоя безопасность. Всё.

Я села на край кровати. Он был прав. Я об этом не подумала. Вернее, подумала, но как-то вскользь, будто это было что-то второстепенное. А это было главное. Мёртвая женщина не может разгуливать по городу.

- И что мне делать? - спросила я. — Мне опять сидеть в комнате и смотреть в окно? Я так уже не могу, отец. Я не для того выживала, чтобы быть запертой в четырёх стенах.

- Я понимаю, - сказал он. - Дай мне подумать.

Он думал недолго. Вернее, он не успел ничего придумать - придумала Лилиана. Она влетела в комнату, как всегда, без стука, с растрёпанными волосами и горящими глазами, и выпалила:

- Я знаю, что делать!

Мы с отцом уставились на неё.

- Откуда ты узнала? - чуть нахмурившись спросил ее отец. Лилиана так мило покраснела, но быстро взяла себя в руки и с вызовом посмотрела ему в глаза.

- Да, вы вечно все утаиваете от меня. Считаете меня маленькой глупой девочкой. И да, я подслушивала и знаю обо всем. Иначе от вас ничего не узнаешь.

- Твои предложения? - спросил Артур.

- Профскел! - Она выпалила это так торжествующе, будто объявила о конце всех войн. - Вернее, его модифицированный вид. Гражданский стиль. Он помогает воинам с переломами держаться в строю. Я видела такие на выставке в прошлом году. Они лёгкие, почти незаметные под одеждой, но держат тело так, что можно ходить без опоры. Это как раз наш случай.

На сколько я поняла профскел - это что-то на подобии фантастического экзоскелета.

- Лилиана, - начал отец.

- Подожди! - Она подняла руку.- И это ещё не всё. На лицо - магическая маска. Она не даёт увидеть лицо. Вообще. Ты смотришь на человека и видишь... не знаю... размытое пятно. Или чужое лицо. Я не помню точно, как это работает, но работает. А волосы можно перекрасить. В другой цвет. И тогда тебя никто не узнает.

Мы молчали. Лилиана стояла, раскрасневшаяся, и смотрела на нас с вызовом, будто ждала, что мы сейчас начнём спорить.

- Откуда ты всё это знаешь? - спросил наконец отец.

Лилиана покраснела. Сильнее, чем уже была. Она потупилась, потеребила край платья и сказала - тихо, почти шёпотом:

- Из романа. Одного. Моего любимого. Там героиня... она была ранена... и ей нужно было скрываться... и она использовала такую маску и профскел... И я подумала, что... что это может сработать.

Я не выдержала и рассмеялась. Впервые за долгое время - по-настоящему, от души. Лилиана посмотрела на меня, потом тоже начала смеяться. Даже отец, кажется, улыбнулся - уголком губ, едва заметно.

- Роман, - сказал он. - Моя дочь нашла выход прочитав роман.

- А почему нет? - спросила я. - Если это работает, какая разница, откуда идея?

Артур посмотрел на меня, потом на Лилиану, потом снова на меня. И кивнул.

- Ладно. Лилиана, найди мне человека, который делает такие вещи. Сегодня же. Я заплачу сколько нужно. И маску. И краску для волос.

- Уже нашла! - Лилиана просияла. - Я ночью искала. Есть мастер на улице Ветров. Он делает военные заказы, но берёт и частные. Я с ним говорила. Он сказал, что может сделать за день.

- Ты говорила с ним ночью? - удивленно спросил отец.

- Ну... - Лилиана снова потупилась. - Мне не спалось. Я все время думала, что Эми надо как-то измениться. Ведь она вроде как умерла. Заставила мозги вспомнить все что можно в поисках выхода и нашла.

Отец вздохнул. Но в этом вздохе было что-то похожее на усталую нежность.

- Хорошо, - сказал он. - Займись этим. Но если что-то пойдёт не так...

- Не пойдёт! - Лилиана уже выбегала из комнаты. - Я всё устрою!

Дверь захлопнулась. Отец посмотрел на меня и покачал головой.

- Она всегда такая? - спросила я.

- Всегда, - ответил он с легкой улыбкой. - С самого детства. Если бы она родилась мальчиком, из неё вышел бы отличный генерал.

Профскел принесли к вечеру. Мастер на улице Ветров оказался человеком слова, он принёс нечто почти невесомое, сделанное из тонких металлических пластин, обтянутых мягкой тканью. Внутри были шарниры, пружины, какие-то хитрые механизмы, которые, как объяснил мастер, «подхватывают движение и не дают телу уставать». Я надела его под брючный деловой костюм - он сел плотно, но не сковывал. Когда я встала, то почувствовала, что могу стоять ровно, без опоры на стену. Ноги держали. Спина была прямой. Это было странное, почти забытое ощущение - стоять самостоятельно без поддержки.

- И долго в нём можно ходить? - спросила я.

- Не больше пяти часов в день, - сказал мастер. - Иначе мышцы отвыкнут от нагрузки. Они привыкнут, что за них всё делает профскел, и ослабнут. Это как лекарство. В меру - помогает. Сверх меры - калечит.

Я кивнула. Пять часов в день. Значит, нужно было планировать свой день и успевать все сделать в это отведенное время, пока я окончательно не поправлюсь и не встану без него твердо на ноги.

Маска оказалась ещё интереснее. Это был не кусок ткани или повязка, не картон или пластик, а тонкая серебристая сетка, которая крепилась на лицо и почти не ощущалась на коже. Когда я надевала её, лицо становилось... размытым. Не исчезало, но теряло чёткость. Смотрящий видел какую-то женщину, но не мог бы описать её черты. Не мог бы сказать, какие у неё глаза, какой нос, какие губы. Это было странно - смотреть в зеркало и не видеть четко своего лица.

Волосы я перекрашивала сама, не обращаясь в салон, в тёмно-каштановый. Лилиана помогала, и мы обе перепачкались краской, и смеялись, и шипели друг на друга, когда что-то не получалось. К утру я стала другой женщиной.

На следующее утро я наконец попала на тренировку. Зал был огромным. Высокие потолки, широкие окна, ровный пол, разлинованный белыми линиями. В дальнем конце - ворота, обтянутые сеткой. Посреди зала - игроки. Мужчины разного возраста, разной комплекции, все в форме команды отца. Они разминались, перебрасывались кулу, шутили. Когда я вошла - в строгом костюме, в маске, с тёмными волосами, - они замолчали. Обернулись. Уставились.

- Это кто? - спросил кто-то.

- Это мой аналитик, - сказал Артур, входя следом за мной. - Её зовут... - Он запнулся на секунду. Мы продумали многое, но вот про то, как меня представить даже не задумались. - Её зовут Ирма. Она будет работать с вами. Слушаться её так же, как меня.

Игроки переглянулись. Я видела на их лицах скептицизм. Незнакомая женщина в маске. Какая-то Ирма. Что она может знать о фиркуле?

- Начнём, - сказала я, не давая им времени на возражения. - Я хочу видеть каждого. По одному. Сначала - разминка. Потом - удары. Потом - работа в парах.

Они нехотя подчинились. Артур стоял в стороне и наблюдал. Ричард помогал мне - называл имена, коротко характеризовал каждого. Я смотрела на их движения. Слушала объяснения брата и мотала себе на ус.

К концу дня у меня в голове более-менее сложилась общая картина. Не совсем полная, но уже достаточно ясная. Я видела, кто силён в атаке, но слаб в защите. Кто хорош в пасе, но теряется под давлением. Кто может держать фир долго, но не умеет бить точно. Кто бьёт точно, но быстро выдыхается. Каждый был хорош по-своему. Но вместе они играли неправильно. Они играли так, как привыкли, а не так, как могли бы.

Я собрала их в центре зала и сказала:

- Вы играете вполсилы. Не потому, что вы плохие игроки. Потому, что вы стоите не на своих местах.

Они снова переглянулись. На этот раз - с интересом.

- Ты, - я показала на широкоплечего мужчину с тяжёлым подбородком, - у тебя мощный удар, но ты медленно разворачиваешься. Тебе нужно быть ближе к воротам соперника, а не в центре. Ты, - я повернулась к худому парню с быстрыми глазами, - ты отлично видишь поле, но боишься идти в столкновение. Тебе нужно быть распасовщиком, а не нападающим. А ты, - я посмотрела на третьего, - ты держишь фир так, что этому может позавидовать любой. Но ты не умеешь использовать его в пасе. Тебе нужно работать в паре с тем, кто умеет бить.

Я говорила и видела, как меняется их лица. Скептицизм уходил. Появлялось удивление как я за день все про них поняла. А еще я увидела в их глазах надежду.

- Мы попробуем новую схему, - сказала я. - Завтра. Сегодня - отдыхайте.

На следующий день мы начали. Я переставила игроков, распределила роли, объяснила, кто что делает. Они сопротивлялись, пытаясь остаться на своих местах по привычке. Им было неудобно на новых. Они путались, злились, ошибались. Но я была упрямой. Я заставляла их повторять снова и снова. Я показывала, где они ошиблись, и объясняла, как исправить. Я не злилась и не кричала. Повторяла объяснения каждый раз.

К концу третьего дня, после смены ролей, они привыкли. К концу пятого - освоились. К концу седьмого - играли так, будто всегда так играли. Схема работала. Шайба - то есть кул - двигался быстрее. Фир держал форму дольше. Атаки были точнее. Защита - надёжнее. Прошел девятый день, завтра десятый а потом матч.

Ричард как-то вечером сказал мне:

- Я не верил. Честно. Думал, ты просто хочешь быть полезной. Но это... это что-то невероятное. И самое главное, что работает.

- Это не я, - ответила я. - Это они. Я просто смогла увидеть, что они могут.

- Да, как бы это не было удивительным, но ты действительно смогла разглядеть их способности, - повторил он. - Это и есть талант.

Матч был уже на носу. Я знала, что мы готовы. Но всё равно волновалась. Это был первый матч, который я видела в живую. И первый, в котором я принимала участие как аналитик.

Стадион был полон. Трибуны гудели, флаги развевались, люди кричали. Я стояла у кромки поля в маске и смотрела на игроков. Они вышли на поле - собранные, сосредоточенные, злые. По хорошему злые, без проявления агрессии к сопернику. На тех, кто считал их слабыми после потери нападающего.

Игра была напряжённой. Соперники оказались сильнее, чем мы думали. Они атаковали быстро, держали фир плотно, били точно. Первые пять минут мы пропустили два гола. Я видела, как дрогнули наши. Как кто-то опустил голову. Как кто-то сжал кулаки.

Я подошла к кромке поля и крикнула:

- Не сдаваться! Держите схему! Вспомните, чему мы учились!

Они услышали меня и выпрямились. Вспомнили, чему я учила их на тренировках и наконец начали играть.

К концу первого периода счёт был 3:2 в нашу пользу. Ко второму - 7:2. К третьему - 10:2. А потом пошло-поехало. Наши забивали один за другим. Соперники растерялись, начали ошибаться, терять фир. Мы использовали каждую ошибку. Мы были быстрее. Мы были точнее. Мы были командой.

Финальный свисток прозвучал при счёте 14:2. Разгром. Полный, безоговорочный разгром противника.

Трибуны взорвались. Наши игроки обнимались, кричали, падали на лёд. Ричард схватил меня за руку и закричал что-то нечленораздельное. Лилиана прыгала на месте, размахивая шарфом. Даже отец - всегда сдержанный, всегда холодный - улыбался. По-настоящему.

После матча, когда все немного успокоились, он подошёл ко мне. В руках у него был бокал - не знаю, с чем, но он протянул его мне.

- Ты сделала это, - сказал он.

- Я только подсказала, - ответила я. - Играли они.

- Не прибедняйся, - он покачал головой. - Я видел, как они играли до тебя. И как играют сейчас. Это большая разница.

Я взяла бокал и сделала глоток. Внутри было что-то тёплое, чуть горьковатое, но приятное.

- У меня есть предложение, - сказал Артур. - Я хочу открыть спортивную школу для молодых игроков. Для тех, кто хочет научиться фиркулу. Мне нужен человек, который будет искать таланты. Смотреть, кто на что способен. Приводить их в школу. Учить их.

Я посмотрела на него.

- Ты предлагаешь мне работу?

- Я предлагаю тебе дело, - сказал он. - Дело, которое ты умеешь делать. Дело, которое ты любишь. И дело, которое держит тебя в безопасности. Ты будешь работать под моей защитой. Никто не будет знать, кто ты. Для всех ты - Ирма. Простой аналитик, рекрутер, человек, который находит звёзд.

Я улыбнулась.

- Я согласна, - сказала я. - Спасибо, отец.

Он кивнул и отошёл к другим. Я стояла в стороне, смотрела на празднующих игроков и чувствовала, как внутри у меня растёт гордость. Я смогла показать себя с хорошей стороны. Я смогла помочь отцу с братом. И впереди меня ждет любимая работа.

Глава 9. Рекрутер в маске

Я с превеликим удовольствием приступила к работе. Не потому, что мне нравилось вставать рано, - я всегда хотела спать в такую рань, и утро для меня начиналось только после второй чашки чая. Но теперь у меня было дело. Настоящее! Своё! То, ради чего стоило просыпаться, даже когда тело ещё ныло, а ноги отказывались идти.

Утром и вечером я занималась в спортзале дома. Отец оборудовал его в подвале сразу после покупки дома - просторное помещение с высокими потолками, зеркалами на стенах и мягким покрытием на полу. Там были разнообразные тренажёры, штанги, канаты, маты. Всё, что нужно, чтобы вернуть тело к жизни. Сначала я могла только ходить по дорожке, держась за поручни, и то недолго. Потом добавила простые упражнения: наклоны, приседания с опорой, подъёмы рук с лёгкими гантелями. Мышцы болели, но это была приятная боль, боль исцеления. Я чувствовала, как с каждым днём становлюсь сильнее. Как возвращается полный контроль над телом.

Ричард иногда заходил ко мне в зал. Стоял в дверях, скрестив руки на груди, и наблюдал. Потом говорил что-нибудь вроде: «Ещё два таких подхода, и ты сможешь бегать». Или: «Не переусердствуй. Слушай тело». Он был прав. Я слушала. Но всё равно каждый день добавляла чуть больше, чем вчера. Мне нужно было вернуть себя. Не только для работы, но и для себя самой. Чтобы больше никогда не чувствовать себя беспомощной.

Днём я разъезжала по школам. Это была самая интересная часть. Отец дал мне список учебных заведений - от обычных городских школ до закрытых пансионов для детей из обеспеченных семей. Я приезжала, представлялась как Ирма, аналитик спортивной школы Филонси, и просила разрешения посмотреть на учеников. Естественно у меня при себе всегда были документы подтверждающие мою деятельность. Директора сначала смотрели на меня с подозрением - женщина в маске, фиг пойми кто такая и откуда. Но стоило упомянуть имя Артура Филонси, как двери открывались. Это было, конечно, неприятно, но удобно. Я пользовалась его именем, как ключом открывающим мне все двери, и старалась не думать о том, что это значит.

Я смотрела на детей и видела больше, чем просто лица. Моя способность видеть суть людей здесь усилилась. Я не знала, почему. Может быть, потому, что я больше не была Эмилией Бреннет, зажатой в рамках чужой жизни. Может быть, потому, что магия этого мира как-то влияла именно на меня. Но факт оставался фактом: я видела таланты. Даже там, где их не видели другие. Даже там, где дети сами о себе не заявляли.

Это было странное чувство. Я смотрела на мальчика, который стоял в стороне от других, не участвовал в играх, казался замкнутым и неуклюжим. А внутри у меня что-то щёлкало, будто загоралась лампочка. Я видела, как он двигается - чуть медленнее других, но точнее. Как он смотрит - не на шайбу, а на пространство вокруг неё. Как он держит руки - готовый в любой момент поймать, перехватить, отбить. Он не был заметным. Но он был талантливым. Просто никто не дал ему шанса это показать.

Я подошла к нему, начала задавать вопросы, попросила показать, что он умеет. Он стеснялся, отказывался, говорил, что не умеет. Пришлось мягко, но с твердой уверенностью настаивать. И когда он наконец согласился, то показал такое, что у меня захватывало дух. Он не был обучен. Он не знал техники. Но у него было то, чему нельзя научить: чувство игры. Чувство пространства. Чувство момента.

Таких детей было много. Я находила их в обычных школах, в спортивных секциях, на улицах. Я находила их по глазам, по движениям, по тому, как они стоят, как дышат, как смотрят

на мир. Это было похоже на охоту. Только вместо добычи я приносила домой надежду. Для них. Для школы. Для себя.

Школа быстро набирала обороты. Первые наборы были небольшими - десять, пятнадцать человек. Но потом пошло-поехало. Слух о том, что школа Филонси ищет таланты, разнёсся по городу. Родители приезжали, привозили детей, просили посмотреть, оценить, дать шанс. Я смотрела, искала и находила. Постепенно моё имя - имя Ирмы - стало известно. Через четыре месяца моей работы рекрутером, многие хотели со мной познакомиться. Приглашали на приёмы, на встречи, на ужины. Я вежливо отказывалась. Я держала дистанцию. Мне не хотелось сближаться. Я тут чуть больше шести месяцев и пока мне достаточно моей семьи и детей, что я отбираю.

Я наслаждалась жизнью. Вдыхала полной грудью воздух свободы. Впервые за долгое время я чувствовала, что живу, а не выживаю. У меня была работа, которая мне нравилась. Была семья, которая меня любила. Было тело, которое снова слушалось. Было будущее, которое я строила сама. Я даже начала забывать о том, что когда-то была простой девчонкой с Земли. Всё это осталось где-то позади. Как дурной сон. Как чужая история.

Но однажды вечером на меня накатились воспоминания из прошлой жизни о просмотренном фильме. Это случилось после тренировки. Я сидела в своей комнате, пила чай и просматривала списки новых учеников. В голове было спокойно и пусто. Я посмотрела на сегодняшнюю дату и тут что-то щёлкнуло. Я вспомнила, что на днях должен пройти матч моего бывшего. Тот самый матч, который они проиграют. Я вспомнила, что проиграют они из-за любовницы Брайэна. И всё это ради денег. Ей всегда их не хватало.

Я отставила чашку и закрыла глаза. В памяти всплывали кадры из фильма. Далия в своей крохотной квартирке, с вечно недовольным лицом. Брайэн, который приходил к ней, когда ему было удобно, и уходил, когда надоедало. Он не тратился на неё. Не баловал. Не делал предложения. Даже когда Эмилия уже была мертва, он не привёл Далию в свой дом. Она так и осталась в статусе любовницы. Так и жила в своей квартирке, куда он приходил справить свою «нужду». Именно поэтому ей вечно не хватало денег. Она хотела больше. Но Брайэн не давал. Он был скупым. Да, он яростно защищал ее и для ее защиты мог сделать многое. Но он всегда считал что женщине надо давать что-то одно - защита или содержание. Ее он защищал, бывшую Эмилию содержал. Ну, в своем понимании.

Так что Далия могла рассчитывать только на защиту, но не на содержание. А тут в тотализаторе ставка на проигрыш команды Брайэна была просто сногсшибательной. Далия не устояла. Она подмешала в еду и напитки игрокам какую-то дрянь. Что-то, что должно было ослабить их, затуманить немного сознание, сбить концентрацию. Это должно было привести команду к поражению. И это сработало. Они проиграли. Позорно не забив не одного кула в ворота противника. А Далия получила свои деньги.

Именно это было начало конца их отношений. Спустя время Брайэн узнал об этом. Я не знаю откуда у него появились сведения. Их отношения после этого покатились под откос. Она думала, что деньги решат всё. Но деньги не решают всего. Особенно когда они получены за предательство.

Я открыла глаза и посмотрела в окно. За стеклом темнело. В саду зажигались фонари. Я вспомнила, что будет дальше. Далия получит свои деньги, но потеряет Брайэна и работу. Их отношения закончатся. Она в злости расскажет что он преднамеренно меня подставил под удар. Потом последует поток грязи от обоих друг на друга. В итоге они оба будут арестованы местной полицией и проведут остаток жизни в тюрьме. Но это еще не скоро.

Я не собиралась вмешиваться. И уж тем более не собиралась ничего делать. Я и папу попросила не вмешиваться. Но где-то глубоко внутри, в самом дальнем уголке души, я почувствовала что-то похожее на удовлетворение. На тихую, злую радость. Они получат то, что

заслужили. Оба. И самое главное никому из моей семьи не придется марать о них свои руки. Они отлично справятся и без нас.

Я допила чай, поставила чашку на стол и подошла к окну. В саду фонари горели ровно, один за другим, и между ними ходил садовник - старик, который начал работал у Филонси после ухода из него прежней Эмили. Он не знал, кто я. Для него я была Ирмой, помощницей мистера Артура, женщиной в маске, которая приезжает и уезжает по делам, ну и еще живет в этом доме. Он здоровался со мной кивком и не задавал вопросов. Мне это нравилось.

Я задёрнула штору и выключила свет.

Глава 10. Светские приемы

Прошло семь месяцев с того дня, как я очнулась в чужом теле в больничной палате. Семь месяцев боли, восстановления, работы, страха и маленьких побед. Я считала их по месяцам, как раньше считала дни по утренним приветствиям доктора Моргана. Семь месяцев - срок, за который я успела стать кем-то другим. Или, может быть, вернуться к себе.

Школа Филонси росла. Из небольшого поместья, но с огромным земляным наделом, она превратилась в учебный городок, о котором говорили. Сначала - в спортивных кругах. Потом - шире. Родители привозили детей за сотни километров, просили посмотреть, оценить, дать шанс. Я смотрела, искала и находила. Постепенно имя Ирмы стало чем-то вроде пароля: если тебя пригласила Ирма, значит, в тебе что-то есть.

Со славой пришли приглашения. Сначала редкие, потом всё чаще. Светские приёмы, благотворительные вечера, открытия галерей, презентации, ужины. Организаторы писали мне лично, и за каждым письмом сквозила одна и та же мысль: если Ирма придёт, об этом будут говорить. Женщина в маске - она была загадкой, а загадки притягивают. Меня приглашали не ради меня. Меня приглашали ради того, что я собой символизировала.

Отец сначала отнёсся к этому настороженно. Он сидел в своём кабинете, вертел в руках очередное приглашение и хмурился.

- Тебе это нужно? - спросил он.

- Нет, - честно ответила я. - Но школе это полезно. Чем больше людей знают Ирму, тем больше дверей открывается. Тем больше детей мы найдём.

- А если тебя узнают?

- Меня не узнают. - Я коснулась лица. - Даже я себя не узнаю, когда смотрю в зеркало. Да и я, внутренняя я совсем изменилась. Думаешь я не вижу как ты иногда смотришь на меня и сильнее хмуришься? Ты сам не видишь во мне прежнюю. Смотришь и не узнаешь.

Он помолчал, нахмурился и потом кивнул.

- Хорошо. Ты права. Ты сейчас совсем непохожа на себя прежнюю, будто совсем другой человек. И наверно это даже к лучшему. Ладно, я согласен, но я буду рядом. Или Ричард. Кто-то из нас всегда будет в зале.

Я согласилась. Так даже лучше. Рядом всегда будет кто-то, кто придет на помощь.

Первый приём, на котором я появилась, был устроен в галерее на набережной. Зал с высокими потолками, белые стены, полотна в тяжёлых рамах, официанты с подносами, музыка где-то на грани слышимости. Я вошла - и почувствовала, как разговор стихает. Не весь. Только та часть, что была ближе ко входу. Люди оборачивались, смотрели, шептались. «Смотри! Это же она! Та самая женщина в маске»... «Ее зовут Ирма»... «Она видит таланты с одного взгляда!»

Ко мне подходили. Представлялись. Задавали вопросы. Я отвечала коротко, вежливо, не вдаваясь в подробности. Улыбалась, голос звучал мягко. Я научилась этому за полгода: говорить так, чтобы люди чувствовали тепло, но не подходили слишком близко. Держать дистанцию, не обижая.

К концу вечера я знала, что справилась. Организатор сиял. Гости обсуждали мое появление. На следующий день в газетах появились заметки: «Таинственная Ирма посетила приём», «Женщина в маске: кто она?», «Рекрутер Филонси - новая звезда светской жизни». Я читала эти заметки и улыбалась.

Приглашения посыпались одно за другим. Я ходила на те, что были полезны для школы. Отказывалась от тех, что были просто ради тщеславия. Отец помогал мне выбирать. Ричард иногда сопровождал - стоял в стороне, с бокалом, который не пил, и следил за залом. Лили-

ана рвалась со мной, но ей было ещё рано: она была слишком заметной, слишком болтливой, слишком живой. Я любила её за это, но на приёмах мне нужна была тишина.

Однажды вечером, я, хромая на правую ногу, зашла к отцу в кабинет. В этот день я была на очередном банкете и подвернула ногу спускаясь по лестнице, благо была на последних ступеньках и держалась за перила. Так что отделалась только легким растяжением. Решила, что ничего страшного не произойдет и не стала заморачиваться, оставив все как есть.

Отец заметил мою хромоту и заставил сесть в кресло, вот только я опять оступилась и подвернула ногу. Слезы непроизвольно потекли из моих глаз. Тогда он опустился на корточки и взял мою больную ногу в свои руки. Начал нежно гладить и ощупывать ее. А потом сказал то, что я никак не ожидала услышать в этом мире.

- Ну-ка, покажи, где болит. Я подую - и всё заживёт.

И я, не задумываясь, продолжила:

- И ранки затянутся быстрее.

Он замер. По стеклам застучал неожиданный дождь. Артур смотрел на меня, и в его глазах было что-то такое непонятное и глубокое.

- Откуда ты знаешь? - спросил он тихо.

Я не знала, что ответить. Сказать что так мне говорил мой земной отец? Тогда я выдам, что я не его дочь. Сразу вспомнилось, когда я была маленькой девочкой, прибегала домой в слезах, когда царапалась или разбивала коленку. Папа тогда так же дул на них, и шептал эти слова.

- Не знаю, - сказала я. - Само вырвалось.

Он помолчал. Потом достал из нагрудного кармана белоснежный платок и вытер им мои слезы. И после этого сказал, будто пробуя:

- Слёзы - это не беда.

И я снова продолжила, не успев подумать:

- Беда - это когда некому поплакаться.

Артур вскинул свою голову и впился в меня своим проницательным взглядом. Его лицо было бледным.

- Эмилия, - сказал он. - Откуда ты это знаешь?

- Я не знаю, - повторила я, и голос у меня дрогнул. - Я не понимаю, что происходит.

Он смотрел на меня долго, будто выискивая что-то на моем лице. Потом аккуратно поставил мою ногу, поднялся и подошел к окну, наблюдая как капли дождя скатываются по стеклу. Я видела, как его плечи напряглись, будто он сдерживал что-то внутри себя. Мне хотелось подойти к нему, положить руку на плечо, спросить, что случилось. Но я не могла. Я сама была в растерянности. А еще я боялась, что если спрошу - всё, что между нами наладилось за это время, рухнет.

Позже, в своей комнате, я лежала на кровати и смотрела в потолок. Две фразы крутились в голове, как заезженная пластинка. «Ну-ка, покажи, где болит. Я подую - и всё заживёт». «Слёзы - это не слабость. Слабость - это когда некому поплакаться». Я повторяла их шёпотом и чувствовала, как внутри меня разливается боль. Ведь я слышала их раньше. Именно мой земной отец говорил их мне очень давно, в другой жизни, где я была простой земной девочкой.

Может быть, это совпадение. Может быть, я просто устала, и мне показалось. Может быть, Артур говорил это своей дочери. Ведь подобных фраз множество и ничего удивительного, что он говорил их своим детям.

Но почему тогда у меня было такое чувство, будто я слышу голос отца? Не Артура Филонси, а Юрия Антоновича Стальнова. Моего земного папы, который погиб спасая детей. Я вспомнила его взгляд и мне показалось, что сегодня я снова его увидела в глазах Артура.

Я крепко зажмурилась. Нет, такого просто не может быть. Мне просто показалось. Да! Я просто переутомилась и надумала себе того, чего нет.

Через неделю я пошла на приём в честь открытия нового театра. Большой зал, позолота, бархат, публика в вечерних нарядах. Я стояла у колонны, разговаривала с женщиной - кажется, женой одного из спонсоров, - и вдруг взгляд мой скользнул по толпе и остановился на одной паре. Брайэн и рядом с ним - Далия. Красные волосы, как факел. Платье красивое, но из прошлого сезона, а значит заплатила она за него не такие и большие деньги. Улыбка на лице, но глаза бегают. Брайэн держал её под локоть. Вот только лицо его ничего не выражало. Не было в его взгляде на нее ни любви, ни обожания. Создавалось впечатление, что она была для него как вещь, как показатель статусности и что он не один. Он изменился. Не внешне - лицо осталось красивым, - но в нём появилось что-то потухшее. Усталость. Или злость, которую он больше не мог прятать.

Во мне ничего не дрогнуло, я просто стояла и смотрела. Полгода назад я бы испугалась. Сейчас - нет. Я была в маске. С чужим именем. Они смотрели прямо на меня и не узнавали.

Брайэн что-то сказал Далии. Она ответила, чуть наклонив голову. Потом они оба посмотрели в мою сторону. Я видела, как Брайэн что-то произнёс, и Далия кивнула. Они двинулись в мою сторону, но кто-то их перехватил, видимо знакомый или деловой партнёр, и они остановились. Я воспользовалась моментом и отошла к окну.

Пару часов я ходила по залу и знакомилась с важными людьми. А потом устала и спряталась за одной из колонн. Везение видимо было на моей стороне, так как я услышала то, что явно не предназначалось для чужих ушей. Говорили тихо, но я после питреса слышала лучше, чем раньше.

- …она находит всех, - говорил Брайэн. - Все говорят. Филонси вытащил её из ниоткуда. Она смотрит на человека и видит, на что он способен. Нам нужна такая.

- Тише, - ответила Далия. - Не здесь.

- А где? На другом приёме? Она никого не подпускает. Живёт в поместье, никуда не ходит одна. К ней не подобраться.

- Значит, найдём способ. - Голос Далии стал жёстче. - Ты хочешь вернуть команду к победе? Хочешь, чтобы о тебе снова говорили? Тогда нам нужна она. Без неё ты никто. После того поражения…

- Не напоминай, - перебил Брайэн.

- А ты не забывай, - сказала Далия. - Ты сам виноват. Если бы ты тогда…

Они перешли на шёпот. Я слышала только обрывки: «…подобраться…», «…через школу…», «…она не откажет, если…». Что именно они замышляли, я не поняла. Но тон был как у заговорщиков затеявших что-то плохое.

Я отошла от колонны и вернулась в зал. Улыбнулась кому-то. Взяла бокал с подноса - не для того, чтобы пить, просто чтобы занять руки. Внутри появился холодок. Я знала, что они опасны и на что они способны. Теперь же еще знала, что они положили глаз на меня в роли Ирмы.

Следующие несколько недель я была осторожнее. Не ходила на приёмы одна. Проверяла, кто будет в списке гостей. Но полностью избегать светской жизни не могла - школа росла, связи были нужны. И на одном из приёмов они осуществили свой план.

Это был благотворительный вечер в отеле в другом городе. Большой зал, сцена, аукцион, публика со всего региона. Мне забронировали номер на верхнем этаже - чтобы не ехать ночью обратно. Артур не смог поехать, Ричард остался с командой. Со мной был только водитель, который ждал внизу, и телефон, который я держала в кармане.

Я заметила Далию у столика с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.